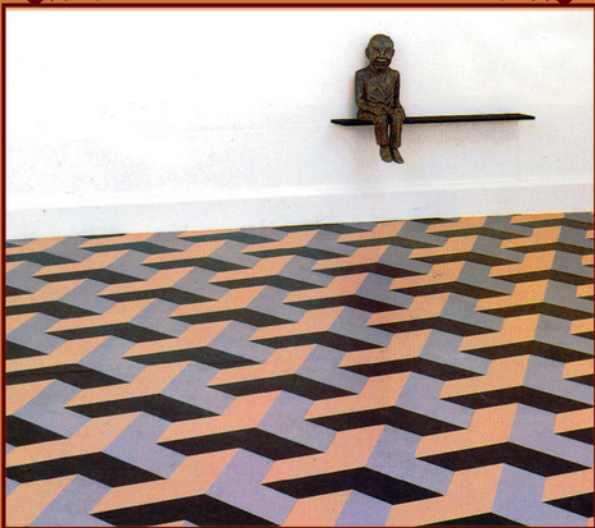

УИЛЬЯМ
ГОЛДИНГ

Повелитель мух

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Уильям Голдинг
Повелитель мух (сборник)
Серия «Зарубежная классика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166403

Повелитель мух. Шпиль : [романы : перевод с английского] / Уильям

Голдинг: АСТ; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-057892-4

Аннотация

Перед вами **жемчужины** творческого наследия Уильяма Голдинга.

«Повелитель мух». Гротескная антиутопия, «черная робинзонада» и роман-предупреждение...

«Шпиль». Исторический роман и философская притча, исследующая тайные лабиринты души, одержимой «жаждой созидания»...

Читайте – и перечитывайте снова, снова и снова...

Содержание

Повелитель мух	5
Глава первая	5
Глава вторая	40
Глава третья	62
Глава четвертая	76
Глава пятая	101
Глава шестая	128
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Уильям Голдинг

Повелитель мух (сборник)

William Golding

LORD OF THE FLIES

THE SPIRE

© William Golding, 1954, 1964

© Перевод. В. Хинкинс, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Повелитель мух

Глава первая Морской рог

Светловолосый мальчик только что одолел последний спуск со скалы и теперь пробирался к лагуне. Школьный свитер он снял и волочил за собой, серая рубашечка на нем взмокла, и волосы налипли на лоб. Шрамом врезавшаяся в джунгли длинная полоса порушенного леса держала жару, как баня. Он спотыкался о лианы и стволы, когда какая-то птица желто-красной вспышкой взметнулась вверх, голоса, как ведьма; и на ее крик эхом отозвался другой.

– Эй, – был этот крик, – погоди-ка!

Кусты возле просеки дрогнули, осыпая гремучий град капель.

– Погоди-ка, – сказал голос. – Запутался я.

Светловолосый мальчик остановился и подтянул гольфы автоматическим жестом, на секунду уподобившим джунгли окрестностям Лондона.

Голос заговорил снова:

– Двинуться не дают, ух и цопкие они!

Тот, кому принадлежал голос, задом выбирался из кустов,

с трудом выдирая у них свою грязную куртку. Пухлые голые ноги коленками застряли в шипах и были все расцарапаны. Он наклонился, осторожно отцепил шипы и повернулся. Он был ниже светлого и очень толстый. Сделал шаг, нащупав безопасную позицию, и глянул сквозь толстые очки.

– А где же дядька, который с мегафоном?

Светлый покачал головой:

– Это остров. Так мне по крайней мере кажется. А там риф. Может, даже тут вообще взрослых нет.

Толстый оторопел:

– Был же летчик. Правда, не в пассажирском отсеке был, а впереди, в кабине.

Светлый, сощурился, озирает риф.

– Ну, а ребята? – не унимался толстый. – Они же, некоторые-то, ведь спаслись? Ведь же правда? Да ведь?

Светлый мальчик пошел к воде как можно непринужденней. Легко, без нажима он давал понять толстому, что разговор окончен. Но тот заспешил следом.

– И взрослых, их тут совсем нету, да?

– Вероятно.

Светлый произнес это мрачно. Но тотчас его одолел восторг сбывшейся мечты. Он встал на голову посреди просеки и во весь рот улыбался опрокинутому толстому.

– Без всяких взрослых!

Толстый размышлял с минуту.

– Летчик этот...

Светлый сбросил ноги и сел на распаренную землю.

– Наверно, нас высадил, а сам улетел. Ему тут не сесть.

Колеса не встанут.

– Нас подбили!

– Ну, он-то вернется еще, как миленький!

Толстый покачал головой:

– Мы когда спускались, я – это – в окно смотрел, а там горело. Наш самолет с другого края горел.

Он блуждал взглядом по просеке.

– Это все от фюзеляжа.

Светлый потянулся рукой и пощупал раскромсанный край ствола. На мгновение он заинтересовался:

– А что с ним стало? Куда он делся?

– Волнами сволокло. Ишь, опасно-то как, деревья все переломаты. А ведь там небось ребята были еще.

Он помолчал немного, потом решился:

– Тебя как звать?

– Ральф.

Толстый ждал, что его, в свою очередь, спросят об имени, но ему не предложили знакомиться; светлый мальчик, назвавшийся Ральфом, улыбнулся рассеянно, встал и снова двинулся к лагуне. Толстый шел за ним по пятам.

– Я вот думаю, тут еще много наших. Ты как – видал кого?

Ральф покачал головой и ускорил шаг. Но наскочил на ветку и с грохотом шлепнулся.

Толстый стоял рядом и дышал, как паровоз.

– Мне моя тетя не велела бегать, – объяснил он, – потому что у меня астма.

– Ассы-ма-какассима?

– Ага. Запыхаюсь я. У меня у одного со всей школы астма, – сказал толстый не без гордости. – А еще я очки с трех лет ношу.

Он снял очки, протянул Ральфу, моргая и улыбаясь, а потом принялся их протирать замызганной курткой. Вдруг его расплывчатые черты изменились от боли и сосредоточенности. Он утер пот со щек и поскорей нацепил очки на нос.

– Фрукты эти...

Он кинул взглядом по просеке.

– Фрукты эти, – сказал он. – Вроде я...

Он поправил очки, метнулся в сторонку и присел на корточки за спутанной листвой.

– Я сейчас...

Ральф осторожно высвободился и нырнул под ветки. Сопенье толстого тотчас осталось у него за спиной, и он поспешил к последнему заслону, отгораживавшему его от берега. Перелез через поваленный ствол и разом очутился уже не в джунглях.

Берег был весь опушен пальмами. Они стояли, клонились, никли в лучах, а зеленое оперенье висело в стофутовой выси. Под ними росла жесткая трава, вспученная вывороченными корнями, валялись гнилые кокосы и то тут, то там пробивались новорожденные ростки. Сзади была тьма леса и свет-

лый проем просеки. Ральф замер, забыв руку на сером стволе, и щурясь смотрел на сверкающую воду. Там, наверное, в расстоянии мили лохматилась у кораллового рифа белая кипень прибоя и дальше темной синью стлалось открытое море. В неровной дуге кораллов лагуна лежала тихо, как горное озеро – разнообразно синее, и тенисто-зеленое, и лиловатое. Полоска песка между пальмовой террасой и морем убежала тонкой лункой неведомо куда, и только где-то в бесконечности слева от Ральфа пальмы, вода и берег сливались в одну точку; и, почти видимая глазу, плавала вокруг жара.

Он соскочил с террасы. Черные ботинки зарылись в песок, его обдало жаром. Он ощутил тяжесть одежды. Сбросил ботинки, двумя рывками сорвал с себя гольфы. Снова вспрыгнул на террасу, стянул рубашку, стал среди больших, как черепа, кокосов, в скользящих зеленых тенях от леса и пальм. Потом расстегнул змейку на ремне, стащил шорты и трусики и, голый, смотрел на спящую воду и берег.

Он был достаточно большой, двенадцать с лишним, чтоб пухлый детский животик успел подобраться; но пока в нем еще не ощущалась неловкость подростка. По ширине и развороту плеч видно было, что он мог бы стать боксером, если бы мягкость взгляда и рта не выдавала его безобидности. Он легонько похлопал пальму по стволу и, вынужденный наконец признать существование острова, снова упоенно захохотал и стал на голову. Ловко перекувырнулся, прыгнул на берег, упал на колени, обеими руками подгрел к себе

горкой песок. Потом выпрямился и сияющими глазами окинул воду.

– Ральф...

Толстый мальчик осторожно спустил ноги с террасы и присел на край, как на стульчик.

– Я долго очень, ничего? От фруктов этих...

Он протер очки и утвердил их на носу-пуговке. Дужка уже пометила переносицу четкой розовой галкой. Он окинул критическим оком золотистое тело Ральфа, потом посмотрел на собственную одежду. Взялся за язычок молнии, пересекающей грудь.

– Моя тетя...

Но вдруг решительно дернул за молнию и потянул через голову всю куртку.

– Ладно уж!

Ральф смотрел на него искоса и молчал.

– По-моему, нам надо все имена узнать, – сказал толстый. – И список сделать. Надо созвать сбор.

Ральф не клюнул на эту удочку, так что толстому пришлось продолжить.

– А меня как хотите зовите – мне все равно, – открылся он Ральфу, – лишь бы опять не обозвали, как в школе.

Тут уж Ральф заинтересовался:

– А как?

Толстый огляделся, потом пригнулся к Ральфу. И зашептал:

– Хрюша – во как они меня обозвали.

Ральф зашелся от хохота. Даже вскочил.

– Хрюша! Хрюша!

– Ральф! Ну Ральф же!..

Хрюша всплеснул руками в ужасном предчувствии:

– Я сказал же, что не хочу...

– Хрюша! Хрюша!

Ральф выплясал на солнцепек, вернулся истребителем, распластав крылья, и обстрелял Хрюшу:

– У-у-уф! Трах-тах-тах!

Плюхнулся в песок у Хрюшиных ног и все заливался:

– Хрюша!!

Хрюша улыбался сдержанно, радуясь против воли хоть такому признанию.

– Ладно уж. Ты только никому не рассказывай...

Ральф хихикнул в песок.

Снова на лице у Хрюши появилось выражение боли и сосредоточенности.

– Минуточку...

И он бросился в лес. Ральф поднялся и затрусил направо.

Там плавный берег резко перебивала новая тема в пейзаже, где господствовала угловатость; большая площадка из розового гранита напролом врубалась в террасу и лес, образуя как бы подмости высотой в четыре фута. Сверху площадку припорошило землей, и она поросла жесткой травой и молоденькими пальмами. Пальмам не хватало земли, что-

бы как следует вытянуться, и, достигнув футов двадцати роста, они валились и сохли, крест-накрест перекрывая площадку стволами, на которых очень удобно было сидеть. Пока не рухнувшие пальмы распластали зеленую кровлю, с исподу всю в мечущемся плетеве отраженных водяных бликов. Ральф подтянулся и влез на площадку, в прохладу и сумрак, сощурил один глаз и решил, что тени у него на плече в самом деле зеленые. Он прошел к краю площадки над морем и заглянул в воду. Она была ясная до самого дна и вся расцвела тропическими водорослями и кораллами. Сверкающим выводком туда-сюда носились рыбешки. У Ральфа вырвалось вслух на басовых струнах восторга:

– Потряса-а-а!

За площадкой открылось еще новое чудо. Какие-то силы творенья – тайфун ли то был или отбушевавшая уже у него на глазах буря – отгородили часть лагуны песчаной косой, так что получилась глубокая длинная заводь, запертая с дальнего конца отвесной стеной розового гранита. Ральф, уже наученный опытом, не решался по внешнему виду судить о глубине бухты и готовился к разочарованью. Но остров не обманул, и немислимая бухта, которую, конечно, мог накрыть только самый высокий прилив, была с одной стороны до того глубокая, что даже темно-зеленая. Ральф тщательно обследовал ярдов тридцать и только потом нырнул. Вода оказалась теплее тела, он плавал как будто в огромной ванне.

Хрюша снова был тут как тут, сел на каменный уступ и завистливо разглядывал зеленое и белое тело Ральфа.

– А ты ничего плаваешь!

– Хрюша.

Хрюша снял ботинки, носки, осторожно сложил на уступе и окунул ногу одним пальцем.

– Горячо!

– А ты как думал?

– Я вообще-то никак не думал. Моя тетя...

– Слыхали про твою тетю!

Ральф нырнул и поплыл под водой с открытыми глазами; песчаный край бухты маячил, как горный кряж. Он зажал нос, перевернулся на спину, и по самому лицу заплясали золотые осколки света. Хрюша с решительным видом стал стягивать шорты. Вот он уже стоял голый, белый и толстый. На цыпочках спустился по песку и сел по шею в воде, гордо улыбаясь Ральфу.

– Да ты что? Плавать не будешь?

Хрюша покачал головой:

– Я не умею. Мне нельзя. Когда астма...

– Слыхали про твою какассыму!

Хрюша снес это с достойным смирением.

– Ты вот здорово плаваешь!

Ральф дал задний ход к берегу, набрал в рот воды и выпустил струйку в воздух. Потом поднял подбородок и заговорил:

– Я с пяти лет плавать умею. Папа научил. Он у меня капитан второго ранга. Как только его отпустят, он приедет сюда и нас спасет. А твой отец кто?

Хрюша вдруг покраснел.

– Папа умер, – пролепетал он скороговоркой. – А мамка...

Он снял очки и тщетно искал, чем бы их протереть.

– Меня тетенька вырастила. У ней кондитерская. Я знаешь, сколько сладкого ел! Сколько влезет. А твой папа нас когда спасет?

– Сразу, как только сможет.

Хрюша, струясь, выбрался из воды и голый стал протирать носком очки. Единственный звук, пробивавшийся к ним сквозь жару раннего часа, был тяжелый, тягучий гул осаждавших риф бурунов.

– А почему он узнает, что мы тут?

Ральф нежился в воде. Перебарывая, затеня блеск лагуны, как кисея миража, его окутывал сон.

– Почему он узнает, что мы тут?

«Потому что, – думал Ральф, – потому что – потому».

Гул бурунов отодвинулся в дальнюю даль.

– На аэродроме скажут.

Хрюша покачал головой, надел очки и сверкнул стеклами на Ральфа.

– Нет уж. Ты что – не слышал, чего летчик говорил? Про атомную бомбу? Все погибли.

Ральф вылез из воды, встал, глядя на Хрюшу и сосредото-

точно соображая.

Хрюша продолжал свое:

– Это же остров, так?

– Я на гору влезал, – протянул Ральф. – Кажется, остров.

– Все погибли, – сказал Хрюша. – И это остров. И никто ничего не знает, что мы тут. И папаша твой не знает, никто.

Губы у него дрогнули, и очки подернулись дымкой.

– И будем мы тут, пока перемрем.

От этих слов жара будто набрякла, навалилась тяжестью, и лагуна обдала непереносимым сверканьем.

– Пойду-ка, – пробормотал Ральф, – там вещи мои.

Он бросился по песку под нещадными, злыми лучами, пересек площадку и собрал раскиданные вещи. Снова надеть серую рубашечку оказалось до странности приятно. Потом он поднялся в уголок площадки и сел на удобном стволе в зеленой тени. Прибрел и Хрюша, таща почти все свои пожитки под мышкой. Осторожно сел на поваленный ствол возле небольшого утеса против лагуны; и на нем запрыгали путанные блики.

Он опять заговорил:

– Надо их всех искать. Надо чего-то делать.

Ральф не отвечал. Тут был коралловый остров. Укрывшись в тени, не вникая в прорицания Хрюши, он размечтался сладко.

Хрюша не унимался:

– Сколько нас тут всех?

Ральф встал и подошел к Хрюше.

– Не знаю.

То тут, то там ветерок рябил натянутую под дымкой жары гладкую воду. Иногда он задувал на площадку, и тогда пальмы перешептывались, и свет стекал кляксами им на кожу, а по тени порхал на блестящих крылышках.

Хрюша смотрел на Ральфа. На лице у Ральфа тени опрокинулись, сверху оно было зеленое, снизу светлое от блеска воды. Солнечное пятно застряло в волосах.

– Надо делать чего-то.

Ральф смотрел на него, не видя. Наконец-то нашлось, воплотилось столько раз, но не до конца рисовавшееся воображению место. Рот у Ральфа расплылся в восхищенной улыбке, а Хрюша отнес эту улыбку на свой счет, как знак признанья, и радостно захохотал.

– Если это правда остров...

– Ой, что это?

Ральф перестал улыбаться и показывал на берег. Что-то кремовое мерцало среди лохматых водорослей.

– Камень.

– Нет. Раковина.

Хрюша вдруг закипел благородным воодушевлением.

– Точно. Ракушка это. Я такую видал. На заборе у одного. Только он звал ее рог. Задудит в рог – и сразу мама к нему выбегает. Они жуть как дорого стоят.

У Ральфа под самым боком повис над водою росток паль-

мы. Хилая земля все равно уже вздулась из-за него комом и почти не держала его. Ральф выдернул росток и стал шарить по воде, и от него в разные стороны порхнули пестрые рыбки. Хрюша весь подался вперед.

– Тихо! Разобьешь...

– А, да ну тебя.

Ральф говорил рассеянно. Конечно, раковина была интересной, красивой, прекрасной игрушкой; но манящие видения все еще заслоняли от него Хрюшу, которому среди них уж никак не могло быть места. Росток выгнулся и загнал раковину в водоросли. Ральф, используя одну руку как опору рычага, другой рукой нажимал на деревцо, так что мокрая раковина поднялась и Хрюше удалось ее выловить.

Наконец можно было потрогать раковину, и теперь-то до Ральфа дошло, какая это прелесть. Хрюша тараторил:

– ...рог. Жуть какой дорогой... Ей-богу, если бы покупать, так это тьму-тьмушую денег надо выложить... он у них в саду на заборе висел, а у моей тети...

Ральф взял у Хрюши раковину, и ему на руку вытекла струйка. Раковина была сочного кремового цвета, кое-где чуть тронутого розоватым. От кончика с узкой дырочкой к разинутым розовым губам легкой спиралью вились восемнадцать сверкающих дюймов, покрытых тонким тисненым узором. Ральф вытряхнул песок из глубокой трубы.

– ...получалось как у коровы, – говорил Хрюша, – и еще у него белые камушки, а еще в ихнем доме птичья клетка

и попугай зеленый живет. В белый камушек, ясно, не подуешь, вот он и говорит...

Хрюша задохнулся, умолк и погладил блестящую штуку в руках у Ральфа.

– Ральф!

Ральф поднял на него глаза.

– Мы ж теперь можем всех созвать. Сбор устроить. Они услышат и прибегут...

Он сияя смотрел на Ральфа.

– Ты для этого, да? Для этого рог из воды вытащил?

Ральф откинул со лба светлые волосы.

– Как твой приятель в него дул?

– Он вроде как плевал туда, – сказал Хрюша. – А мне тебя не велела, из-за астмы. Вот отсюда, он говорил, надо дуть. – Хрюша положил ладонь на свое толстое брюшко. – Ты попробуй, а, Ральф. И всех скликаешь.

Ральф с сомнением приложился губами к узкому концу раковины и дунул. В раковине зашуршало – и только. Ральф стер с губ соленую воду и снова дунул, но опять раковина молчала.

– Он вроде как плевал.

Ральф сделал губы трубочкой, впустил в раковину струйку воздуха, и раковина будто пукнула в ответ. Оба показались со смеху, и в промежутках между взрывами смеха Ральф еще несколько минут подряд извлекал из раковины эти звуки.

– Он вот отсюда дул.

Ральф наконец-то понял и выдохнул всей грудью. И сразу раковина отозвалась. Густой, резкий гул поплыл под пальмами, хлынул сквозь лесные пущи и эхом откатился от розового гранита горы. Птицы тучами взмыли с деревьев, в кустах пищала и разбегалась какая-то живность.

Ральф отнял раковину от губ.

– Вот это да!

Собственный голос показался ему шепотом после оглушающих звуков рога. Он приложил его к губам, набрал в легкие побольше воздуха и дунул опять. Загудела та же нота; но Ральф поднатужился, и нота взобралась октавой выше и стала уже пронзительным, надсадным ревом. Хрюша что-то кричал, лицо у него сияло, сверкали очки. Вопили птицы, разбегались зверюшки. Потом у Ральфа перехватило дух, звук сорвался, упал на октаву ниже, вот он споткнулся, ухнул и, прошуршав по воздуху, замер.

Рог умолк – немой, сверкающий бивень; лицо у Ральфа потемнело от натуги, а остров звенел от птичьего гомона, от криков эха.

– Его жуть как далеко слышать.

Ральф отдышался и выпустил целую очередь коротких гудочков.

Вдруг Хрюша заорал:

– Глянь-ка!

Среди пальм ярдах в ста по берегу показался ребенок.

Это был светлый крепыш лет шести, одежда на нем была порвана, а личико перемазано фруктовой жижей. Он спустил штаны с очевидной целью и не успел как следует натянуть. Он спрыгнул с пальмовой террасы в песок, и штанишки сползли на щиколотки; он их перешагнул и затрусил к площадке. Хрюша помог ему вскарабкаться. А Ральф все дул, и уже в лесу слышались голоса. Мальчуган присел на корточки и снизу вверх блестящими глазами смотрел на Ральфа. Убедившись, что тот, очевидно, не просто так развлекается, а занят важным делом, он удовлетворенно сунул в рот большой палец – единственный оставшийся чистым.

Над ним склонился Хрюша:

– Тебя как звать?

– Джонни.

Хрюша пробормотал имя себе под нос, а потом прокричал Ральфу, но тот и бровью не повел, потому что все дул и дул. Он упивался мощью и роскошью извлекаемых звуков, лицо покраснелось, и рубашка трепыхалась над сердцем.

Крики из лесу приближались.

Берег ожил. Дрожа в горячих струях воздуха, он укрывал вдалеке множество фигурок; мальчишки пробирались к площадке по каленому глухому песку. Трое малышей не старше Джонни оказались удивительно близко – объедались в лесу фруктами. Кто-то щуплый и темный, чуть помоложе Хрюши, выбрался из зарослей и залез на площадку, радостно всем улыбаясь. Шли еще и еще. По примеру простодушно-

го Джонни садились на поваленные стволы и ждали, что же дальше. Ральф продолжал выпускать отдельные пронзительные гудки. Хрюша обходил толпу, спрашивал, как кого зовут, и морщился, запоминая. Дети отвечали ему с той же готовностью, как отвечали взрослым с мегафонами. Кое-кто был голый – те держали одежду под мышкой, кто-то был полуодет, другие даже одеты, в школьных формах, серых, синих, коричневых – кто в свитерке, кто в курточке. Тут были эмблемы и даже девизы, полосатые гольфы, фуфаячки. Зеленая тень укрывала головы, головы русые, светлые, черные, рыжие, пепельные; они перешептывались, лепетали, они во все глаза глядели на Ральфа. Недоумевали. И ждали.

Дети парами и поодиночке показывались на берегу, выныривая из-за дрожащего марева. И тогда взгляд сначала притягивался к пляшущему на песке черному упырю и лишь затем поднимался выше и различал бегущего человека. Упыри были тени, сжатые отвесным солнцем в узкие лоскутья под торопливыми ногами. Ральф еще дул в рог, а к площадке над бьющимися черными лоскутьями уже неслись двое последних. Двое круглоголовых мальчиков с волосами, как пакля, повалились ничком и, улыбаясь и тяжело дыша, как два пса, смотрели на Ральфа. Они были близнецы и до того одинаковы, что в это забавное тождество просто не верилось. Дышали в лад, улыбались в лад, оба здоровые и коренастые. Губы у близнецов были влажные, на них будто не хватило кожи, и потому у обоих смазались контуры

профиля и не закрывались рты. Хрюша склонился над ними, сверкая стеклами очков, и между кличами рога слышно было, как он заучивает имена:

– Эрик, Сэм, Эрик, Сэм.

Скоро он запутался; близнецы трясли головами и тыкали друг в друга пальцами под общий хохот.

Наконец Ральф перестал дуть и сел, держа рог в руке и уткнувшись подбородком в колени. Замерло эхо, а с ним вместе и смех, и настала тишина.

Из-за блестящего марева на берег выползало черное что-то. Ральф первый увидел это черное и не отрывал от него взгляда, пока все не посмотрели туда же. Но вот непонятное существо выбралось из-за миражной дымки, и сразу стало ясно, что чернота на сей раз не только от тени, но еще от одежды. Существо оказалось отрядом мальчиков, шагавших в ногу в две шеренги и странно, дико одетых. Шорты, рубашки и прочий скарб они несли под мышкой; но всех украшали черные квадратные шапочки с серебряными кокардами. От подбородка до щиколоток каждого укрывал черный плащ с длинным серебряным крестом по груди слева и наверху с треугольным жабо. От тропической жары, спуска, поисков пищи и вот этого потного перехода под палящим небом лица у них темно лоснились, как свежепромытые сливы. Вожак отряда был облачен точно так же, только кокарда золотая. Ярдах в десяти от площадки его люди по команде встали, задыхаясь, обливаясь потом, качаясь под нещад-

ными лучами. Сам он отделился от них, вспрыгнул на площадку в разлетающемся плаще и со света шурился в почти непроглядную темень.

– Где человек с трубой?

Ральф догадался, что после солнца ему ничего не видно.

– Человека с трубой тут нет. Это всего лишь я.

Мальчик подошел к Ральфу вплотную, сверху глянул на него и скроил недовольную мину. Вид светловолосого мальчишки с кремовой раковиной на коленях его, кажется, не впечатлил. Он сразу отвернулся, взмахнув черными полами.

– Значит, и корабля нет?

Под взметнувшимся плащом он был тощий, высокий, костлявый, из-под черной шапочки выбились рыжие волосы. Лицо, все в веснушках и складках, было противное, но не глупое. И на этом лице горели голубые глаза, в них металась досада и вот-вот могла вспыхнуть злость.

– Значит, взрослых нет?

Ральф ответил, уже ему в спину:

– У нас собрание. Присоединяйтесь.

Мальчики в плащах начали ломать строй. Высокий на них прикрикнул:

– Хор! Стоять смирно!

Устало, покорно хористы снова втиснулись в строй и, покачиваясь, стояли на солнцепеке. Кое-кто все же отважился хныкать:

– Меридью... Ну, Меридью же, ну, можно мы...

А потом один хлопнулся ничком, и строй смешался. Упавшего взгромоздили на площадку и положили. Меридью посмотрел на него пристально и не утратил выдержки.

– Ладно. Садитесь. А этот – ну его, пускай лежит.

– Но как же, Меридью...

– Он вечно в обморок падает, – сказал Меридью. – И в Аддис-Абебе, и в Гибралтаре. И на утреньях плюхался прямо на регента.

Последнее замечание вызвало смешки хористов, которые черными птицами на жердочках обсели поваленные стволы и не сводили глаз с Ральфа. У них Хрюша не стал спрашивать имена. Его устрасило ведомственное превосходство и уверенная начальственность в голосе Меридью. Он притаился за Ральфом и занялся своими очками.

Меридью снова повернулся к Ральфу:

– Значит, здесь нет ни единого взрослого?

– Ну да.

Меридью тоже сел и всех обвел глазами.

– Итак, самим надо выпутываться.

Хрюша из-за плеча Ральфа позволил себе вставить:

– Поэтому Ральф и созвал сбор. Чтобы решить, чего нам делать. Мы пока что у всех спросили, кого как звать. Вот это Джонни. Эти двое, они близнецы, Сэм и Эрик. Кто Эрик? Ты? Нет, это Сэм...

– Я Сэм...

– А я Эрик.

– Я всем предлагаю познакомиться, – сказал Ральф. – Я, например, Ральф.

– Так мы ведь уже, – сказал Хрюша. – Мы же только что спрашивали.

– Мы не младенцы, – сказал Меридью. – С какой стати мне называться Джеком? Я – Меридью.

Ральф посмотрел на него искоса. Да, это был голос человека серьезного, который знает, чего он хочет.

– Потом этот, – Хрюша уже разогнулся, – ой, я забыл...

– Ты чересчур много болтаешь, – сказал Джек Меридью. – Заткнись, Жирняй.

Раздались смешки.

– Вовсе он не Жирняй, – крикнул Ральф, – его истинное имя – Хрюша!

– Хрюша!

– Хрюша!

– Ой, Хрюша!

Тут раздался настоящий взрыв хохота, хохотали все, даже самые маленькие. Смех вдруг сплотил мальчиков, и только Хрюша остался вне этого тесного дружеского кружка. Он залез на краску, насупил и опять занялся очками.

Наконец смех замер и продолжилась перекличка. Был тут Морис, второй в хоре по росту после Джека, но плотней; он все время улыбался. Был тощий дичок, которого никто не знал; погруженный в себя, он скрытно держался в сто-

ронке. Пробормотал, что зовут его Роджер, и снова умолк. Билл, Роберт, Харольд, Генри; тот мальчик из хора, который упал в обморок, теперь сел, прислонясь к пальмовому стволу, бледно улыбнулся Ральфу и назвался Саймоном.

Потом Джек сказал:

– Надо решить, как нам спастись.

Пронесся гул голосов. Совсем маленький мальчик – Генри – объявил, что он хочет домой.

– Тише вы, – проговорил Ральф рассеянно. Он поднял рог. – По-моему, чтобы решать, сначала надо выбрать главного.

– Главного! Главного!

– Главным могу быть я, – без обиняков сказал Джек, – потому что я староста и я запеваю в церкви и до диез могу взять. Снова гул голосов.

– Ну и вот, – сказал Джек, – я...

Он запнулся. Черненький – Роджер – наконец-то расшевелился, он предложил:

– Давайте проголосуем.

– Ага!

– Голосуем за главного!

Выборы оказались забавой не хуже рога. Джек было начал спорить, но кругом уже не просто хотели главного, но кричали о выборах и чуть не все предлагали Ральфа. Никто не знал, почему именно его; что касается смекалки, то уж скорей ее проявил Хрюша, и роль вожака больше подходи-

ла Джеку. Но Ральф был такой спокойный, и еще высокий, и такое хорошее было у него лицо; но непостижимее всего и всего сильнее их убеждал рог. Тот, кто дул в него, а теперь спокойно сидел на площадке, держа на коленях эту хрупкую красивую штуку, был, конечно, не то что другие.

– Который с раковиной!

– Ральфа, Ральфа!

– Пусть с трубой будет главный!

Ральф поднял руку, прося тишины.

– Хорошо. Кто за Джека?

С унылой покорностью поднялись руки хористов.

– Кто за меня?

Руки всех, кто не в хоре, кроме Хрюшиной, тут же взлетели вверх. Хрюша посмотрел, подумал и тоже нехотя потянул руку. Ральф посчитал:

– Значит, главный – я.

Все захлопали. Хлопал даже хор. Лицо у Джека вспыхнуло от досады, так что исчезли веснушки. Он дернулся, хотел встать, раздумал и снова сел под длящийся грохот рукоплесканий. Ральф смотрел на него, ища, чем бы его утешить.

– Хор, конечно, остается тебе.

– Пусть они будут солдаты!

– Или охотники!

– Нет, лучше пусть...

Веснушки вернулись на лицо Джека. Ральф помахал рукой, прося тишины.

– Джек отвечает за хор. Они будут – ну кто, как ты хочешь?

– Охотники.

Джек и Ральф улыбнулись друг другу с робкой симпатией. И все затрещали наперебой.

Джек встал:

– Ладно, хор. Можете разоблачаться.

Будто их распустили с урока, мальчики повскакивали с мест, загалдели, побросали на траву плащи. Свой Джек растелил на пальме рядом с Ральфом. Его серые шорты прилипли к телу от пота. Ральф посмотрел на них восхищенно, и, перехватив этот взгляд, Джек объяснил:

– Я гору хотел перейти, поискать воду. А тут твоя раковина.

Ральф улыбнулся и поднял рог, требуя тишины.

– Слушайте, слушайте. Мне нужно время, чтобы все обдумать. Я еще не решил, с чего начинать. Если это не остров, нас сразу спасут. Так что надо разобраться, остров это или нет. Все остаются здесь. Никуда не расходиться. Мы втроем – больше не надо, только запутаемся и потеряемся, – мы втроем пойдем в разведку. Пойду я, Джек и... и...

Он обвел глазами круг возбужденных лиц. Пойти рвались все.

– И Саймон.

Вокруг Саймона захихикали, и он встал, посмеиваясь. Теперь, когда обморочная бледность прошла, он оказался ма-

леньким, щуплым, живым и глядел из-под шапки прямых волос, черных и жестких.

Он кивнул Ральфу:

– Я пойду.

– И я...

Джек выхватил из-за спины большой охотничий нож и всадил в дерево. Поднялся и замер гул.

Хрюша разволновался:

– И я пойду.

Ральф повернулся к нему:

– Ты не годишься для этого дела.

– Все равно...

– Без тебя обойдемся, – отрезал Джек. – Трех вполне достаточно.

Хрюша сверкнул очками.

– Я с ним был, когда он рог нашел. Я с ним был самый первый.

Но его слова не встретили отклика ни у Джека, ни у прочих. Все уже расходились. Ральф, Джек и Саймон попрыгали с площадки и пошли по песку, мимо бухты. Хрюша увязался следом.

– Пусть Саймон идет посередке, – сказал Ральф. – И будем через его голову разговаривать.

Трое шли в ногу. То есть Саймону, чтоб не сбиться с шага, то и дело приходилось подтягиваться. Ральф в конце концов не выдержал и оглянулся на Хрюшу.

– Послушай-ка...

Джек и Саймон стыдливо отвели глаза. И пошли дальше.

– Ну, нельзя же тебе!

Очки у Хрюши опять затуманились – на сей раз от унижения.

– Ты им сказал. Я же просил.

Он был весь красный, и у него дрожали губы.

– Я же просил, чтоб не надо.

– Да про что это ты?

– Что меня Хрюша звать. Говорил же, как хотите зовите, только чтоб не Хрюша. Просил тебя, чтоб не надо, а ты взял и сказал.

Оба примолкли. Ральф начал понимать Хрюшу, он видел, как тот обижен и огорчен. Он колебался, извиняться ли ему перед Хрюшей или обидеть еще.

– Лучше уж Хрюша, чем Жирняй, – заключил он наконец легко и откровенно, как подобает главенствующему. – Но все равно, если обиделся – прости. А теперь, Хрюша, вернись и займись именами. Делай свое дело. Ну, пока.

Повернулся и побежал догонять удалявшуюся парочку. Хрюша застыл, краска негодования медленно сползала со щек. И он побрел обратно, к площадке.

Трое мальчиков шли по песку веселыми шагами. Был отлив, и кромка закиданного водорослями берега тверда под ногами, почти как дорога. Какие-то чары опутали берег, опутали их, и, опутанные чарами, они ликовали. То и дело

переглядывались, хохотали, говорили, не слушали. Все сияло кругом. Ральф, испытывая потребность подвести подо все разумную базу, встал с этой целью на голову и перекувырнулся. Когда отсмеялись, Саймон робко погладил его по руке. И снова им пришлось хохотать.

– Ну пошли, – сказал наконец Джек. – Мы же разведчики.

– Дойдем до конца острова, – сказал Ральф, – и посмотрим, что за углом.

– Если это остров...

Теперь, к вечеру, миражи постепенно рассеивались. Они нашли конец острова, не околдованный, четкий, ничем не прикидывающийся. Все то же было тут нагромождение угловатых форм, и большая глыба сидела отдельно, далеко в лагуне. Ее облепили морские птицы.

– Как сахарная корочка, – сказал Ральф, – на розовом торте.

– Тут за угол не завернешь, – сказал Джек. – Его и нет, все постепенно. И там не пройти – одни скалы.

Ральф из-под щитка ладони оглядел ломаный очерк скал, уходящих к горе. Кажется, отсюда было легче всего добраться до верха.

– Попробуем тут подняться, – сказал он. – Наверно, это самая легкая дорога. Меньше зарослей этих; одни розовые камни. Пошли.

Трое мальчиков стали карабкаться по склону. Какой-то непонятной силой выворотило и раскидало эти кубы так,

что они громоздились косо, наползая друг на друга. Чаще всего розовый утес налезал на скошенную глыбу, та налезала на другую, а та на следующую, все выше, так что розовость пробивалась ровными уступами сквозь петлистый бред лиан. Там, где утес вставал прямо из земли, часто тоненько убежала вверх тропка. И они шли боком по этим тропкам, лицом к скалам, все дальше углубляясь в растительное царство.

– Кто проложил эти тропки?

Джек остановился, вытер пот со лба. Ральф, задыхаясь, стоял рядом.

– Люди?

Джек покачал головой:

– Животные.

Ральф вглядывался во тьму под деревьями. Лес легонько подрагивал.

– Пошли.

Они одолевали кручу, огибая скалы, но куда труднее было продираться по зарослям, чтоб снова напасть на тропку. Ползучие стволы и корни лиан так сплелись, что мальчишки еле сквозь них прорубались. Не сбиться с подъема помогали только лоскутья темной земли, редкие просветы неба в листве и еще само направление склона: выше ли или нет лаз, оплетенный витками лиан, чем тот, который они только что одолели.

И все-таки они поднимались.

Наглухо замурованный в зарослях, чуть не в самые труд-

ные минуты Ральф, сияя, обращивался к остальным.

– Грандиозно!

– Колосса-а-а!

– Потряса-а-а!

Причина для такого восторга была не вполне очевидна. Все трое замучились, перепачкались, запарились. Ральф страшно расцарапался. Лианы были толщиной с их ляжки и оставляли только узкие туннели для прохода. Ральф ради опыта крикнул, и они вслушались в глухое эхо.

– Настоящая разведка, – сказал Джек. – Тут никто еще не был. Я уверен.

– Надо бы карту начертить, – сказал Ральф. – Только вот бумаги у нас нет.

– Можно по коре корябать, – сказал Саймон. – И что-нибудь черное втирать.

И снова обмен торжествующими, сияющими в сумраке взглядами.

– Высший класс!

– Грандиозно!

– Фантастика!

Становиться на голову здесь было неудобно. На сей раз Ральф выразил силу чувств, прикинувшись, будто хочет спихнуть вниз Саймона, и вот уже оба катались в жидкой полутьме веселым клубком.

Когда они отвалились друг от друга, Ральф первый очнулся:

– Ну, надо идти.

Лианы чуть подались от следующего утеса, и разведчики затрусили по тропке. Она выбежала в разреженный лес, и за стволами сквозило раскинувшееся внизу море. Стало солнечно; солнце сушило пот, пропитавший одежду в темной сырой жаре. К вершине теперь вели только голые розовые скалы, и больше не приходилось нырять во тьму. Мальчики пробирались по ущельям и колкой осыпи.

– Осторожно!

В этой части остров протягивал к небесам редкие зубья своего каменного гребня. Они задели зубец, на который оперся Джек, и он вдруг со скрежетом шелохнулся.

– Вперед!

Но вершина недоступна. Перед штурмом ее троим мальчикам надо одолеть препятствие. Этот острый камень размерами не меньше машины.

– Раз-два, взяли!

Ну-ка, навались, ухватись, – раз, дружно, вместе – э-эх!

– Взяти!

Раскачали его, так, так-так-так, раскачали, раскачали, больше, шире, еще, еще, еще, та-ак...

– Взяти!

Камень дрогнул, качнулся, накренился, повременил, решил не возвращаться, двинулся вбок, рухнул, перевернулся и загрохотал вниз, вспарывая лесной покров. Всполошились птицы, эхо, взмыла белая, розовая туча, деревья вни-

зу затряслись, будто перепуганные бешеным чудищем. И все стихло.

– Мощно!

– Как бомба!

– Колосса-а-а!

Целых пять минут они не могли прийти в себя после своей победы. Но наконец сдвинулись с места.

После этого вершину взять уже были пустяки. На последнем подступе Ральф вдруг замер:

– Вот это да!

Мальчики встали на краю воронки на склоне. Она поросла какой-то горной растительностью, синими цветами. Они буйно затопляли воронку и разливались, растекались по лесу. Все пестрело бабочками, они носились, бились, металась.

Сразу за воронкой были розовые глыбы, была вершина, и вот они на нее взобрались.

Они и раньше догадывались, что это остров. Пробираясь среди розовых скал, обложенные морем и сверкающей высью, они каким-то чутьем понимали, что море их окружает повсюду. И все же последние выводы они приберегали до той минуты, когда окажутся наверху и им откроется водная синь по всему кругу горизонта.

Ральф повернулся к друзьям:

– Это наш остров.

Он был похож на корабль, вздыбился с этого края и за их

спинами круто обрывался к морю. По бокам – скалы, скаты, верхушки деревьев и кручи, а впереди, вдоль корабля, отлого спускались леса в розовых прошвах – вниз, в густо-зеленые плоские джунгли, вдруг сводившиеся в розовый хвостик. И там уж остров таял в воде, и был еще островок, только скала, как форт, и форт смотрел на них из-за зелени крутым розовым бастионом.

Мальчики оглядели все это, потом перевели взгляд дальше, в море. Они были высоко, и уже наступал вечер; вид уже не размазывался, не заслонялся миражной пленкой.

– Это риф. Коралловый риф. Я картинки такие видел.

Риф окаймлял остров с одного бока и еще загибался и шел примерно в расстоянии мили вдоль того берега, который они уже считали своим. Он был широко набросан по сини, будто великан наклонился с розовым мелком, хотел было обвести остров беглой, летучей чертой, но вдруг задумался да так и не кончил. По эту сторону рифа была переливчатая вода, и все камни и водоросли видны, как в аквариуме; дальше стлалось темное море. Был отлив, от рифа туго и медленно растекались полосы пены, и на минуту им показалось, что корабль ровно движется кормой вперед.

Джек показал вниз:

– Мы во-он там высадились.

За утесами и увалами лес прорезала глубокая рана – там были покалечены стволы, и дальше проехала широкая борозда, оставив только бахромку пальм у самой лагуны.

Там же выдавалась в лагуну площадка, вокруг которой муравьями сновали фигурки.

Ральф, волнообразно помахав рукой, показал путь с того места, где они стояли, вниз, мимо воронки, мимо цветов, и кругом, к той скале, возле которой начиналась просека.

– Так мы быстрее всего назад доберемся.

Блестя глазами, открыв рты, сияя, они смаковали свои хозяйские права. Головы кружила высота, кружила дружба.

– Тут нет ни дыма, ни лодок, – трезво рассудил Ральф, – после проверим точней. Но по-моему, он необитаемый.

– Мы будем добывать себе пищу, – крикнул Джек, – охотиться, ловить... пока нас не подберут.

Саймон переводил глаза с одного на другого, молчал и все кивал, так что металась черная грива. У него горело лицо.

Ральф посмотрел на другой склон, где не было рифа.

– Тут еще круче, – сказал Джек.

Ральф сложил ладони, как бы что-то зачерпывая.

– Там лес... гора его вот так держит.

По всем торцам горы были деревья, цветы и деревья. Вот лес всколыхнулся, забился, загудел. Вздохнули и оттрепетали цветы, и лица мальчиков охладил ветерок.

Ральф раскинул руки:

– Все это наше.

Они захохотали, затопали, еще подразнили гору криками.

– Я есть хочу.

Как только Саймон упомянул о своем голоде, и другие

сразу сообразили, что проголодались.

– Ну пошли, – сказал Ральф. – Мы узнали все, что хотели.

Они стали спускаться, нырнули в цветочные заросли, прошли под деревьями. Потом остановились, с любопытством рассматривая кусты вокруг.

Саймон заговорил первым:

– Как свечи. Кусты в свечах. Это такие почки.

Кусты были темные, вечнозеленые, сильно пахли и тянули вверх, к свету, зеленые восковые свечи. Джек ударил по одной свече ножом, и из нее хлынул острый запах.

– Почки как свечи.

– Их не зажигают, – сказал Ральф. – Они только так, похожи на свечи.

– Зеленые свечи, – скривился Джек. – Есть их не будешь.

Ну, пошли.

Они уже углублялись в чащу, шлепая усталыми ногами, когда услышали звуки – визг и частый стук копыт. Они кинулись на визг, а он все взвизывался, становился неистовым. Они увидели застрявшего в занавесе лиан поросенка, он рвался из упругих пут, трепыхался и бился. Полоумный, дерущий визг был надсажен ужасом. Мальчики бросились вперед, Джек снова выхватил сверкающий нож. Он уже занес руку. Но тут наступила пауза, заминка, только свинья все визжала, и лианы тряслись, и все сверкало в тощей руке нож. Но вот свинья вырвалась и метнулась в чащу. Они смотрели друг на друга и на то страшное место. Лицо у Джека побелело

под веснушками. Он спохватился, что все еще держит поднятый нож, опустил руку и сунул его в ножны. Все трое сконфуженно рассмеялись и стали подниматься обратно на тропку.

– Я примерялся, – сказал Джек. – Я как раз выжидал момент.

– Надо было заколоть, – выпалил Ральф. – Я точно знаю, их закалывают.

– Нет, им надо горло перерезать и выпустить кровь, – сказал Джек. – А то мясо есть нельзя.

– Так чего же ты...

Они прекрасно знали, чего же. Из-за того, что даже представить себе нельзя, как нож врезается в живое тело, из-за того, что вид пролитой крови непереносим.

– Я хотел, – сказал Джек. Он шел впереди, и они не видели его лица. – Я примерялся. Ну, уж в следующий раз...

Он выхватил нож и всадил его в дерево. Уж в следующий раз пощады не будет. Он оглянулся вызывающе – не угодно ли, мол, поспорить. Но тут они вышли на солнце и занялись добыванием и поглощением пищи, пока спускались просекой, к площадке, опять созывать собрание.

Глава вторая

Огонь на горе

Когда Ральф перестал дуть в рог, все уже толпились на площадке. Это собрание было не похоже на утрешнее. Заходящее солнце косо падало теперь с другой стороны, и мальчики, слишком поздно ощутив боль от ожогов, натянули одежду. Хористы, в явственном меньшинстве, поснимали плащи.

Ральф сидел на поваленном стволе, солнце приходилось ему слева. Справа от него размещался почти весь хор; слева – те из старших, кто не знал друг друга до эвакуации; перед ним, на корточках, сидели в траве детишки.

Все примолкли. Ральф положил к себе на колени розово-кремовую раковину. По площадке, закидав ее зайчиками, пробежал ветерок. Ральф колебался – встать ли ему или говорить сидя. Он искоса глянул влево, в сторону бухты. Хрюша сидел рядышком, но на выручку не пришел.

Ральф откашлялся.

– Ну вот...

И вдруг, сразу, он понял, что сейчас он прекрасно им все расскажет и объяснит. Он провел рукой по светлым волосам и начал:

– Мы на острове. Мы поднимались на гору и видели – повсюду, кругом вода. Мы не обнаружили ни домов, ни дыма,

ни следов, ни людей, ни лодок. Мы на необитаемом острове, и больше здесь никого нет.

Джек перебил:

– Но все равно армия нам потребуется. Для охоты. Охотиться на свиней...

– Да, на острове водятся свиньи.

Всем троим захотелось, чтоб все себе представили, как розовое, живое билось тогда в лианах.

– Смотрим, стоит...

– Визжит...

– Она от нас как бросится...

– Я не успел ударить... Но уж в следующий раз!..

Джек вонзил нож в дерево и с вызовом огляделся.

Все снова затихли.

– Ну вот, – сказал Ральф, – охотники нам потребуются, чтобы добывать мясо. И еще одно.

Он поднял раковину и обвел взглядом обожженные лица.

– Взрослых здесь нет. Мы всё должны решать сами.

По собранию прошелся и замер гул.

– И еще. Нельзя всем говорить сразу. Надо сначала поднять руку, как в школе.

Держа раковину у рта, он водил глазами поверх раструба.

– И тому, кто поднимет руку, я даю рог.

– Рог?

– Ну да, так эта раковина называется. Я даю рог тому, кто хочет говорить. И пока говоришь – надо держать его в ру-

ках.

– Но ведь же...

– А как же...

– И перебивать нельзя. Никому. Кроме меня.

Джек вскочил.

– У нас будут правила, – крикнул он вдохновенно. – Много всяких правил. А кто их будет нарушать...

– Ур-ра!

– Точно!

– Грандиозно!

– Классно!

Тут кто-то отобрал рог у Ральфа. Хрюша. Он покачал на руках большую розовую раковину, и крики улеглись. Джек, не садясь, вопросительно глянул на Ральфа, но тот только улыбался и постукивал ладошкой по дереву. Джек сел. Хрюша снял очки и мигал, вытирая их о рубашку.

– Вы Ральфу говорить не даете. Не даете самое важное сказать.

Он помолчал со значением.

– Ну – вот кто знает, что мы тут? А?

– На аэродроме знают.

– Тот, с мегафоном...

– Мой папа.

Хрюша надел очки.

– Никто не знает, что мы тут, – сказал Хрюша. Он побледнел и задыхался. – Может, они и знали, куда нас везут,

а может, даже и нет. Но никто не знает, что мы тут, потому что сюда нас не везли. – Он глотнул воздух, качнулся и сел. Ральф отобрал у него рог.

– Вот это я и хотел сказать, – заключил он, – а вы, вы... – Он обвел глазами напряженные лица: – Самолет сбили, он сгорел. Никто не знает, где мы. Может, мы тут еще долго пробудем.

Тишина была полная, только слышно, как сопит и задышается Хрюша. Косое солнце залило золотом половину площадки. Ветер, резво носившийся по лагуне, как котенок в погоне за собственным хвостиком, теперь пробирался через площадку, к лесу. Ральф откинул со лба светлую путаницу волос.

– Может, мы тут еще долго пробудем.

Все молчали. Вдруг он просиял улыбкой:

– Но великолепный же остров. Мы – Джек, Саймон и я, – мы забирались на гору. Колоссально! Тут и еда есть, и вода, и...

– ...и скалы...

– ...и синие цветы...

Хрюша, несколько оправившийся, показал на рог в руках у Ральфа, и Джек с Саймоном осеклись. Ральф продолжал:

– Пока нас спасут, мы тут отлично проведем время.

Он широко раскинул руки.

– Как в книжке!

Тут все закричали наперебой:

– «Остров сокровищ»!

– «Ласточки и амазонки»!

– «Коралловый остров»!

Ральф помахал рогом:

– Остров – наш! Потрясающий остров. Пока взрослые не приедут за нами, нам будет весело!

Джек потянулся за рогом.

– Тут водятся свиньи, – сказал он. – Еда обеспечена. Купаться можно в той бухте. И вообще. Кто еще что-нибудь обнаружил?

Он вернул Ральфу рог и сел. Очевидно, больше никто не обнаружил ничего.

Старшие заметили мальчугана, уже когда он стал отбиваться.

Малыши выталкивали его на середину, и он упирался. Он был щупленький, лет шести, и багровое родимое пятно скрывало у него пол-лица. Вот он встал, сжавшись под пересечением взглядов, ввинчивая в жесткую траву носок ботинка. Он что-то мямлил и чуть не плакал.

Другие малыши, важно перешептываясь, подталкивали его к Ральфу.

– Ну ладно, – сказал Ральф. – Говори же.

Малыш затравленно озирался.

– Говори!

Малыш потянулся за рогом, и все покатались со смеху. Тогда он отдернул руку и зарыдал.

– Дайте ему рог! – крикнул Хрюша. – Пусть возьмет!

Ральф наконец вручил малышу рог, но порывом общего веселья у того уже унесло последние остатки решимости, и он лишился голоса. Хрюша стал рядом на колени, держа перед ним огромную раковину, и начал переводить собранную его речь.

– Он хочет знать, чего вы со змеем делать будете.

Ральф засмеялся, и его смех подхватили все. Малыш еще больше сжался.

– Ну, расскажи нам про змея.

– А теперь он уже говорит, это зверь.

– Зверь?

– Змей. Большущий. Он сам видел.

– Где?

– В лесу.

Неприкаянным ли ветром, оттого ли, что низилось солнце, под деревья занесло холодок. Мальчики беспокойно пожились.

– На таких маленьких островах не бывает зверей и змеев, – терпеливо растолковывал Ральф. – Они водятся только в больших странах, в Африке, например, или в Индии.

Гул голосов и важное киванье головами.

– Он говорит, зверь выходит, когда темно.

– А как же он тогда его разглядел?

Смех, хлопки.

– Слыхали? Он, оказывается, в темноте видит!

– Нет, он говорит, он правда видел зверя. Он пришел, исчез и еще вернулся, и он хотел его съесть...

– Это ему приснилось.

Ральф засмеялся и взглядом поискал сочувствия на лицах вокруг. Старшие явственно с ним соглашались, но среди малышей замечалось сомнение, не побежденное разумной твердостью Ральфа.

– Возможно, у него был кошмар. После того, как он об лианы спотыкался.

Снова они с готовностью закивали. Про кошмары им было известно.

– Он говорит, видел зверя, змея, и спрашивает, он вернется или нет.

– Да нет никакого зверя!

– Он говорит, утром змей превратился в канат, как которые тут висят по деревьям. Он спрашивает, зверь вернется или нет?

– Да нет же никакого зверя!

На сей раз уже не смеялся никто, все строго глядели на Ральфа. Ральф запустил обе пятерни себе в волосы и рассматривал малыша с интересом, с отчаянием.

Джек выхватил у него рог.

– Ральф совершенно прав. Никакого змея нет. Ну а если и есть тут змея, мы ее изловим и уничтожим. Мы будем охотиться на свиней и для всех добывать мясо. А заодно уж и насчет змеи проверим.

– Но нет же тут змей!

– Вот пойдем охотиться и точно проверим!

Ральф почувствовал досаду и на минуту – беспомощность. Тут было что-то, с чем он не мог совладать. Обращенные к нему взгляды были совершенно серьезны.

– Но нет же тут никакого зверя!

И зачем-то, он сам не понял зачем, он еще раз выкрикнул громко, с вызовом:

– Сказано вам, никакого зверя тут нет!

Все молчали.

Ральф поднял рог. Ему сразу стало веселей от одной мысли о том, что он сейчас собирался сказать.

– А теперь – самое главное. Я все думал. Думал, пока мы на гору лезли. – Он послал заговорщическую улыбку Джеку и Саймону. – И когда спустились. Вот что я думал. Мы хотим как следует поиграть. И мы хотим, чтоб нас спасли.

Буря одобрения накрыла его волной и сбила с мысли. Он снова подумал.

– Мы хотим, чтоб нас спасли. И нас, конечно, спасут.

Поднялся веселый говор. Мало же им оказалось надо для радости – голое, не подкрепленное ничем утверждение, – такой теперь был у Ральфа авторитет. Снова ему пришлось помахать рогом, чтобы призвать их к порядку.

– Мой отец служит во флоте. Он говорит, неоткрытых островов совсем не осталось. Он говорит, у королевы есть большая такая комната, и в ней множество карт, и на них острова

всего мира. Значит, есть у королевы и наш остров на карте.

Снова гул веселых, довольных голосов.

– И рано или поздно сюда пошлют корабль. Может, даже пошлют моего папу. Так что рано или поздно нас спасут.

Он сказал что хотел и умолк. Он их успокоил. Он им сразу понравился, и вот теперь они поверили в него. Кто-то захлопал, и сразу вся площадка огласилась аплодисментами. Ральф вспыхнул, искоса заметил открытое обожание в глазах у Хрюши, потом глянул вправо, туда, где ухмылялся и тоже хлопал подчеркнуто Джек.

Ральф помахал рогом.

– Тише вы! Погодите же! Слушайте!

И он продолжал уже в тишине, окрыленный успехом:

– А теперь еще одно. Надо помочь тем, кто будет нас спасать. А то корабль, даже если и подойдет близко к острову, нас все равно не заметит. Значит, надо, чтоб на горе был дымок. Надо разжечь костер.

– Костер! Костер!

Мальчики вскакивали на ноги. Джек кричал и командовал. Про рог позабыли.

– Пошли! Все за мной!

Под пальмами засуетились, зашумели. Ральф тоже вскочил, он призывал к порядку, его никто не слышал. Толпа колыхнулась прочь от берега, и вот все ушли – за Джеком. Даже самые маленькие старательно продирались по переломанным веткам и сучьям. Все бросили Ральфа с рогом в руках.

Остался один Хрюша.

Хрюша дышал уже ровно.

– Ну, прямо как дети малые, – сказал он уничижительно, – как грудные!

Ральф оглядел его с сомнением и положил рог на поваленный ствол.

– Небось уже время чай пить, – сказал Хрюша. – И чего им делать-то на этой горе?

Он почтительно погладил раковину, но тотчас рука его замерла, и он поднял глаза.

– Ральф! Эй! Куда же ты?

Ральф перелезал через первые поваленные стволы. Хохот и треск были уже далеко.

Хрюша проводил Ральфа негодующим взглядом.

– Как дети малые!

Он вздохнул, нагнулся зашнуровать ботинки. Шум заблудшего собрания замирал на горе. Тогда с мученическим видом родителя, вынужденного потакать нелепой выходке отпрысков, он подобрал рог, направился к лесу и стал пробираться по просеке.

По другую сторону от вершины был лесистый уступ. Ральф снова сделал тот же жест, словно зачерпывал что-то.

– Вон там дров для костра сколько угодно.

Джек кивнул и ущипнул себя за нижнюю губу. Всего фу-тах в ста пониже, после крутого склона, лежал будто бы спе-

циально под топливо отведенный участок. Мокрой жарой деревья толкало в рост, но на хилом слое почвы они не заживались, рано валились и гнили. Их обнимали лианы, сквозь них пробивались новые ростки.

Джек обернулся к ждущим приказаний хористам. Черные квадратные шапочки, как береты, съехали у них набекрень.

– Костер складывать. Быстро.

Они легко добрались до валежника по удобной тропке, стали дергать его и растаскивать. Самые маленькие, достигнув вершины, скатывались сюда же, так что скоро все, кроме Хрюши, были заняты делом. Валежник попадался такой гнилой, что, стоило его тронуть, обдавал душем трухи, осыпью мокриц, но встречались и целые стволы. Близнецы Эрик и Сэм первые выискали подходящее дерево, но беспомощно топтались около, пока Ральф, Джек, Саймон, Роджер и Морис не сумели за него ухватиться. Все вместе они взволокли нелепую мертвую орясину наверх и там сбросили. Каждая группка вносила свою лепту, и понемногу костер вырастал. В очередной раз наведавшись вниз, Ральф увидел, что вокруг никого, что они держатся за деревцо вдвоем с Джеком, и они улыбнулись друг другу, и опять поверх ветра, и крика, и поверх ослабевших лучей гору опутали чары, и тот же опять ее поволакивал странный, неприметный глазу свет дружбы, совместности и приключений.

– Да, тяжеловато.

Джек просиял в ответ:

– Ну нам-то с тобой это пара пустяков.

Вместе, в согласном усилии, качаясь, они одолели кручу. Вместе протянули – раз – два – три! – швырнули свою ношу на уже высокий костер. Отступили, хохоча оттого, что так легко справились со сложной задачей, и Ральфу тут же пришлось встать на голову. Кое-кто еще копошился возле костра, кое-кому из малышей уже наскучил труд, и они рыскали по этому новому лесу в поисках фруктов. Близнецы с неожиданной распорядительностью принесли охапки сухой листвы и ссыпали в костер. Один за другим мальчики обнаруживали, что все готово, что дров больше не требуется, и оставались наверху, среди раскиданных розовых глыб. Все уже отдышались, и на лицах высыхал пот.

Но вот наступила напряженная тишина, и Ральф с Джеком переглянулись. Оба пришли к постыдному открытию и не знали, как в этом признаться.

Ральф багрово покраснел и выдавил первый:

– Ну...

Он откашлялся и снова решился:

– Ну, теперь его надо зажечь, а?

Больше нельзя было таить нелепость положения, и Джек тоже покраснел. Забормотал что-то невнятное:

– Можно деревяшки тереть одну об другую. Одну об другую...

Он глянул на Ральфа, и у того вырвалось окончательным и жалким признанием:

– Спички у кого-нибудь есть?

– Надо лук, и стрелу на нем крутить, – сказал Роджер. Он потер руку об руку, изображая, как это делается – джж! джж!

Над горой пронесся легкий ветерок. И вместе с ним явился Хрюша, в рубашке и шортах, он с трудом пробирался по зарослям, и вечернее солнце полыхало в его очках. Он нес под мышкой рог.

Ральф крикнул:

– Хрюша! У тебя спичек нет?

Вопрос подхватили, и эхо зашлось от крика.

Хрюша покачал головой и подошел к костру.

– Ого! Постарались! Ничего себе кучка!

И вдруг Джек догадался:

– Хрюшины очки! Это же зажигательные стекла!

Хрюша не успел отпрянуть. Его обступили.

– Ой, пустите, – взвизгнул он в ужасе, когда Джек сдернул с него очки. – Слышь-ка! Отдай! Мне ж ничего не видать! Ой! Рог разобьете!

Ральф оттеснил его локтем и встал на коленки возле костра.

– Отойдите, свет заслоняете!

Все стали толкаться и лезть к Ральфу с советами. Ральф двигал стекла и так и сяк, пока густой белый отпечаток закатного солнца не лег на рыхлое дерево. Почти тотчас вверх потянулась тонкая дымная струйка, и он закашлялся. Джек то-

же встал на колени, легонько подул на дымок, и он сломался, отклонился, утолщился, показал язычок пламени. Пламя, сперва едва видимое на ярком свете, захватило первый сучок, налилось цветом, разбежалось, прыгнуло на ветку побольше, и та занялась с громким треском. Пламя взметнулось вверх, и мальчики восторженно ахнули.

– Мои очки! – изнемогал Хрюша. – Отдайте мои очки!

Ральф встал, отошел от костра и сунул очки в беспомощно шарившую Хрюшину руку. Тот уже едва слышно лепетал:

– Все расплывается. Аж руку не видать...

Кое-кто пустился в пляс. Валежник был такой сухой и трухлявый, что большие сучья сдавались неистово желтым космам огня, те взвивались вверх и там, в двадцатифутовой высоте, бились рыжей гривой. Жар обжигал, ветер потоком отвевал в сторону искры. И белой пылью осыпались стволы.

Ральф крикнул:

– Еще дров! Все за дровами!

Взапуски с огнем, чтоб не успел, не погас, мальчики бросились за валежником. Пусть бы чистая пелена пламени плыла сейчас над горой – а дальше они не загадывали. Даже самые маленькие, если не отвлекались фруктами, несли щепочки и подбрасывали в огонь. Воздух дрожал, волновался, и теперь уже ясно различались наветренная и подветренная стороны. С одной стороны было прохладно, а в другую костер бешено махал жарким крылом, в секунду пружинкой завивая волосы у тех, кто зазевался. Попадая в прохладную

струю, мальчишки жадно подставляли ей потные лица, но, наслаждаясь свежестью, тотчас чувствовали изнеможение и валились в тень, возле разбросанных скал. Пламя быстро убывало, потом, осыпая тихие вздохи, костер сел, и только огненный куст взметнулся вверх, изогнулся и заструился ветвями по ветру. Все дышали тяжело, как псы.

Ральф приподнял голову, которую прятал под мышкой.

– Нет, ничего не выходит.

Роджер ловко, со знанием дела сплюнул на горячую золу.

– Это почему?

– Дыма-то не было. Один огонь.

Хрюша приткнулся к ребристому стыку двух скал и держал на коленях рог.

– Мы костер-то как следует не разожгли, – сказал он. – Это ж без толку. Такой костер не удержишь, как ни старайся.

– Ты уж особенно старался, – сказал Джек презрительно. –

Сложи руки сидел.

– Мы взяли у него очки, – сказал Саймон. Он тер плечом черную щеку. – Значит, он тоже участвовал.

– У меня рог! – возмутился Хрюша. – Дайте слово сказать!

– На вершине горы рог не считается, – сказал Джек. –

Так что заткнись.

– У меня в руках рог!

– Надо туда зеленых веток положить, – сказал Морис. –

Их кладут для дыма!

– Рог у меня!

Джек в ярости обернулся:

– А ну заткнись!

Хрюша увял. Ральф взял у него рог и обвел всех взглядом.

– Кто-то должен специально следить за костром. В любой день может прийти корабль, – он повел рукой вдоль тугой струны горизонта, – и, если у нас всегда будет сигнал, нас заметят и спасут. И потом. Нам нужно еще одно правило. Где рог, там и собрание. И все равно – внизу это или наверху.

С этим все согласились. Хрюша открыл было рот, встретился взглядом с Джеком и осекся. Джек потянулся за рогом и встал, осторожно держа хрупкий предмет в закопченных ладонях.

– Ральф совершенно верно говорит. Нам нужны правила, и мы должны им подчиняться. Мы не дикари какие-нибудь. Мы англичане. А англичане всегда и везде лучше всех. Значит, надо вести себя как следует.

Он обернулся к Ральфу.

– Ральф, я разделю хор – то есть моих охотников – на смены, и мы будем отвечать за то, чтоб костер всегда горел.

Его великодушие стяжало редкие хлопки, Джек ослабил-ся и, призывая к тишине, помахал рогом:

– Сейчас-то зачем ему гореть? Ночью кто дым увидит? Снова зажжем, когда захотим. Альты, вы отвечаете за костер эту неделю. А вы, дисканты, – следующую.

Все важно закивали.

– И еще – мы будем наблюдать за морем. Как только уви-

дим корабль, – все проводили глазами взмах тощей руки, – подбавим зеленых веток. И сразу станет больше дыма.

Они пристально вглядывались в густую синь горизонта, будто вот-вот там появится крохотный силуэт.

Солнце на западе горячей золотой каплей стекало все ниже и ниже, нацелясь за порог мира. И вдруг стало ясно, что уже вечер и конец теплу и свету.

Роджер взял рог и обвел всех пасмурным взглядом:

– Я на море и так все смотрю. Нет тут никаких кораблей. Может, нас и не спасут вовсе.

Поднялся и затих ропот. Ральф отобрал у Роджера рог.

– Я уже сказал – нас спасут. Просто надо подождать. Вот и все.

Расхрабрившись, кипя, рог схватил оскорбленный Хрюша.

– А я что говорил! Я же говорил насчет порядка, я говорил, а мне – «заткнись»!

Голос взвился, надсаженный благородным негодованьем. На него уже шикали кругом.

– Сказали, костер нужно маленький, а какую скирду навалили. Только я рот раскрою, – стонал верный горькой правде Хрюша, – мне сразу «заткнись», а когда Джек, или Морис, или Саймон...

Он запнулся на пронзительной ноте и застыл, глядя поверх голов, вдоль чужого склона горы, туда, где собирали валежник. Потом расхохотался, до того странно, что все

притихли, недоуменно разглядывая сверкающие окуляры. И проследив за его взглядом, нашли источник этой мрачной веселости.

– Вот вам и маленький костер!

Дым курился там и сям среди лиан, увивавших мертвые и гибнущие деревья. На глазах у детей дымную кудель в одном месте вдруг тронуло огнем и она уплотнилась. Тонкие ленты огня поползли по комлю, разбежались по листьям и кустам, множились, разрастались. Пламя задело древесный ствол, вспорхнуло на него яркой белкой. Дым рос, плотился, клубился, раскатывался. Белка на крыльях ветра перенеслась на другое стоячее дерево, стала поедать его с верхушки. Под темным покровом дыма и листья огонь подкрался, завладел лесом и теперь остервенело его грыз. Акры черного и рыжего дыма упрямо валили к морю. Глядя на неодолимо катящееся пламя, мальчики пронзительно, радостно завизжали. Огонь, будто он живой и дикий, пополз, как ползет на брюхе ягуар, к молодой, похожей на березовую поросли, опушившей розоватую наготу скал. Он набросился на первое попавшееся дерево, мгновенно изукрасил его пылающей листвой. Потом проворно прыгнул на следующее и тотчас запылал, качая их уже строем. Под тем местом, где ликовали мальчики, лес на четверть мили кругом бесновался в дыму и пламени. Треск огня дружно ударял в уши барабанным боем, и гору от него будто бросало в дрожь.

– Вот вам и маленький костер!

Ральф с испугом замечал, как один за другим все стихают, охваченные жутью перед разбушевавшейся у них на глазах силой. Поняв, что жутко и ему, он вдруг вышел из себя:

– Да заткнись ты!

– У меня рог, – сказал Хрюша обиженно. – Я имею право говорить.

На него смотрели пустыми взглядами, вслушиваясь в барабанный бой пламени. Хрюша тревожно заглянул в ад и покачал на руках рог.

– Теперь уж пускай горит. А ведь это наше топливо было. – Он облизнул губы. – Чего ж тут сделаешь. Надо было поосторожней. Я боюсь...

Джек с трудом оторвал взгляд от огня:

– А ты вечно боис-ся. Жирный!

– У меня рог, – уныло пролепетал Хрюша. Он повернулся к Ральфу: – У меня рог, да ведь, Ральф?

Ральф нехотя отвернулся от пышного, жуткого зрелища:

– Ну, чего ты?

– У меня рог. Я имею право говорить.

Близнецы в один голос хихикнули:

– Дыма захотели... Вот вам и дым...

Далеко-далеко, за горизонт, расплывалась дымная туча. Хихикали уже все, кроме Хрюши; просто покатывались со смеху.

Хрюша не выдержал:

– У меня рог! Слышите вы? Перво-наперво надо было

что? На берегу шалаши построить. Тут ночью-то ужас как холодно. А вы же чего? Только Ральф сказал про костер – сразу орать и – на гору дунули. Как дети малые!

Наконец его тираду стали слушать.

– Вот вы хотите, чтоб нас спасли, а сами чего сперва делать не знаете и ведете себя как не надо.

Он снял очки и хотел было положить рог, но, увидев, как к нему потянулось сразу множество рук, передумал. Сунул раковину под мышку и снова уселся.

– И костерище разложили зачем-то незнамо какой. Весь остров подпалили. Хороши мы будем, если весь остров сгорит. Будем кушать печеные фрукты да свинину жареную. И ничего смешного! Сами Ральфа выбрали, а подумать ему не даете. А только он чего скажет, разбегаетесь, как, как...

Он остановился перевести дух, и на них зарычало пламя.

– Это еще что. А детишки-то. Малыши. Кто за ними доглядает? Кто скажет, сколько их у нас?

Ральф вдруг шагнул к нему:

– Я же тебе велел. Я велел тебе список составить.

– А как? – орал в неистовстве Хрюша. – Один-то я – как?

Они две минутки посидели и в море посигали, по лесу разбежались, все подевались куда-то. Откуда ж я разберусь-то, который кто?

Ральф провел языком по белым губам.

– Значит, ты не знаешь, сколько нас тут должно быть?

– Да откуда же, они же ведь как букашки бегают. А как вы

вернулись трое и ты сказал – огонь разводить, все побегли, и я даже...

– Ну, хватит! – оборвал Ральф и выхватил у него рог. – На нет и суда нет.

– А потом вы мои очки захапали...

Джек глянул на него:

– Заткнись!

– ...а малыши, они же там, где огонь, бегали. Может, они и сейчас еще там, откуда вы знаете?

Хрюша, вскочив, показывал на дым и пламя. Шепот пронесся и замер. Что-то делалось с Хрюшей, что-то странное, он задыхался.

– Вот тот малыш, – задыхался Хрюша, – тот, который на лице с меткой, я не вижу его. Где он?

Все молчали, как мертвые.

– Который про змей говорил. Он был вон там...

В огне бомбой взорвалось дерево. Обмотки лиан взметнулись, корчась, и сразу опали. Малыши завизжали:

– Змеи! Смотрите! Змеи!

На западе всего в дюйме от моря висело забытое солнце. Лица снизу подсвечивались красным. Хрюша привалился к скале и вцепился в нее обеими руками.

– Малыш, который с меткой... на лице... куда он... подевался? Сказано вам – я его не вижу!

Мальчишки переглядывались в страхе, отказываясь верить.

– Куда он подевался?

Ральф как-то сконфуженно забормотал:

– Может, он вернулся туда, на... на...

Снизу, с чужого склона, все гремел и гремел барабанный бой.

Глава третья

Шалаши на берегу

Джек согнулся вдвое. Он, как спринтер на старте, почти припал носом к влажной земле. Стволы и стлавшиеся по ним лианы терялись в зеленой мгле ярдов на тридцать выше, и кругом густые кусты. Тут был поломан сук и, кажется, отпечаталось краем копыто – только и всего. Он уткнулся в грудь подбородком и не отрывал глаз от этого едва заметного намека на след, будто вымогая у него разгадку. Потом, как пес, на четвереньках, неловко, с трудом, он взобрался еще ярдов на пять и встал. Тут лиана захлестывалась петлей и с узла свисал усик. Усик был блестящий с одного бока; проходя петлю, свињи его отполировали щетиной.

Джек приник ухом к земле в нескольких дюймах от этого знака и впился глазами в непроглядность кустарника. Рыжие волосы отросли с тех пор, как он оказался на острове, и сильно выгорели; неприкрытая спина была вся в темных веснушках и шелушилась. В правой руке он волочил заточенный шест футов в пять длиной; и, не считая обтрепанных шортов, на ремне которых болтался нож, он был совсем голый. Он прищурился, поднял лицо и, раздувая ноздри, легонько втянул струйку теплого воздуха, выведывая у нее секрет. И он и лес – оба затихли.

Наконец он тяжело, с неохотой выдохнул и открыл глаза.

Глаза эти были ярко-синие, и сейчас от досады в них метнулось почти безумие. Он провел языком по пересохшим губам и снова всмотрелся в упрямые заросли. И снова двинулся вперед, обрыскивая землю.

Тишина в лесу была еще плотнее и гуще жары, и даже жуки не жужжали. Только когда Джек сам спугнул из нехитрого гнезда цветистую птаху, тишина треснула, раскололась и, разбудив сонное эхо, зазвенела криком, словно взмывшим из глуби времен. Джек даже вздрогнул от этого крика, со свистом сглотнул; и на секунду вместо охотника стал испуганной тварью, по-обезьяньи жавшейся к дереву. Но след и досада тотчас взяли свое и погнали снова обрыскивать землю. У толстого седого ствола в бледных цветах по комлю он замер, еще раз потянул носом жаркий воздух; и вдруг ему перехватило дух, даже кровь отлила от лица, и тут же опять в него ударила краска. Он тенью скользнул во тьму ветвей и нагнулся, разглядывая вытоптанную землю у себя под ногами.

Комья были теплые. И грудились на взрытой земле. Они были зеленоватые, мягкие, от них подымался пар. Джек поднял взгляд на непостижимую гущину загородивших путь лиан. Потом вытянул копьё и шагнул. За лианами след впадал в свиной лаз, достаточно широкий и четкий – настоящую тропку. Земля на ней была плотно убита, и когда Джек выпрямился во весь рост, он тут же услышал, как по лазу движется что-то. Он отвел назад правую руку, размахнул-

ся и со всей силы метнул копьё. На тропе раздался дробный, четкий перестук копыт, как щелк кастаньет, приманчивый, сладкий – обетование мяса. Джек выскочил из-за кустов и подобрал копьё. Свиной топоток замирал вдалеке.

Джек стоял, обливаясь потом, лицо было в грязных разводах и прочих отметилах долгих невзгод охоты. Он ругнулся, сошел со следа и стал продираться сквозь чащобу, пока она не расступилась и голые стволы, подпиравшие черную сень, сменились светло-серыми стволами и кронами перистых пальм. Из-за них мерцала вода и неслись голоса. Ральф стоял возле нагроможденья пальмовых стволов и листьев, грубого шалаша, смотревшего на лагуну и вот-вот грозившего рухнуть. Он не заметил Джека, когда тот заговорил:

– Водички бы, а?

Ральф хмуро поднял глаза от хитросплетенья ветвей. Он смотрел прямо на Джека, все еще не замечая.

– Воды бы, говорю, а? Пить хочется.

Ральф оторвал мысли от шалаша и вдруг обнаружил Джека.

– А, привет. Воды? Там, под деревом. Наверно, еще осталось.

Джек подошел к кокосовым скорлупам с пресной водой, лежавшим в тени, взял одну, полную, и стал пить. Вода текла на подбородок, на шею, заливала грудь. Наконец он шумно отдышался:

– Уф, хорошо!

Саймон сказал из шалаша:

– Повыше чуть-чуть.

Ральф повернулся к шалашу и вместе с веткой приподнял лиственный настил. Настил качнулся, и листва запорхала вниз. В дыре показалось сокрушенное лицо Саймона.

– Ой!

Ральф с отвращением оглядывал руины.

– Так мы в жизни не кончим.

Он бросился на землю у ног Джека. Саймон все смотрел сквозь дыру в шалаше. Ральф лежа объяснял:

– Целыми днями работаем. И видишь!

Два шалаша еще кое-как держались. Этот совсем развалился.

– А им бы только гонять. Помнишь собрание? Как все клялись трудиться, пока строить не кончим?

– Ну, я и мои охотники...

– Охотники, эти пусть. Ну, малыши, они...

Он помахал рукой, искал слова.

– Они безнадёжные, но ведь кто постарше – тоже не лучше. Ты только пойми. Мы тут целый день работаем с Саймоном. И больше никого. Купаются, едят, загорают.

Саймон осторожно высунул голову:

– Ты главный. Ты их сам распустил.

Ральф, растянувшись, смотрел на небо и пальмы.

– Собрания. Очень уж мы их любим. Каждый день. Хоть по два раза в день. Все болтаем. – Он оперся на локоть. –

Вот сейчас протрублю в рог, и увидишь – примчатся как миленькие. И все честь честью, кто-то скажет – давайте построим самолет, или подводную лодку, или телевизор. А после собрания пять минут поработают и разбегутся или охотиться пойдут.

Джек вспыхнул:

– Ну, мясо-то нам нужно.

– Да, но пока его что-то не видно. А шалаши нам тоже нужны. И вообще: охотники твои давным-давно вернулись. Купаются.

– Я один пошел, – сказал Джек. – Я их отпустил. Мне...

Он рвался передать, что гнало его выследить, настигнуть, убить.

– Я один пошел. Я думал, я сам...

Снова метнулось в глазах безумие.

– Я думал, я убью.

– Но не убил.

– Думал, убью.

Голос у Ральфа дрожал от подавленного волнения:

– Но ты не убил пока что.

Если б не призывок скрываемой ярости, предложение могло показаться невинным:

– Ну, а насчет шалашей – это ты никак?

– Нам мясо нужно.

– Но его у нас нет. – Враждебность звенела уже открыто.

– Будет! В следующий раз будет! Мне бы только бородку

на копье. Мы ранили свинью, а копье не держится. Вот научимся делать бородки...

– Нам нужны шалаши.

И вдруг Джек завопил надсадно:

– Обвиняешь меня, да?

– Нет, просто мы весь день тут потеем. Больше ничего.

Оба покраснели и отвели глаза. Ральф перекатился на живот и стал дергать травинки.

– Если дождь польет, как когда мы высадились, нам еще как шалаши понадобятся. И потом, нам шалаши нужны из-за... ну...

Он запнулся. Оба перебарывали гнев. И Ральф углубился в другую, безопасную тему:

– Сам-то ты не замечал?

Джек опустил копье, сел на корточки.

– А что?

– Ну, боятся они.

Он снова перекатился на спину и посмотрел в свирепое, чумазое лицо Джека.

– Понимаешь – снится им что-то. Я слышал. Ты вот ночью не просыпался?

Джек покачал головой.

– Разговаривают, плачут. Малыши. А то и... будто бы...

– Будто бы плохо на этом острове.

Удивленные тем, что их перебивают, оба подняли глаза на строгое лицо Саймона.

– Будто бы, – сказал Саймон, – зверь... зверь или змей и вправду есть. Помните?

Двое старших вздрогнули от постыдного слова. О змеях уже не упоминалось, не полагалось упоминать.

– Будто бы плохо на этом острове, – отчеканил Ральф. – Да, точно.

Джек сел и вытянул ноги.

– Они чокнутые.

– Да, шизики. А как на разведку ходили – помнишь?

Оба улыбнулись, вспомнив те чары первого дня. Ральф продолжал:

– Так что шалаши нам нужны вместо...

– Дома родного.

– Точно.

Джек подобрал ноги, обхватил переплетенными руками коленки и нахмурился, стараясь разобраться в собственных мыслях.

– А все же в лесу, ну, когда охотишься, не тогда, конечно, когда фрукты рвешь, а вот когда один...

Он осекся, не уверенный, что Ральф серьезно его слушает.

– Ну-ну, говори.

– Когда охотишься, иногда чувствуешь...

И вдруг он покраснел.

– Это так, ерунда, в общем. Просто кажется. Но ты чувствуешь, будто вовсе не ты охотишься, а за тобой охотятся: будто сзади, за тобой, в джунглях все время прячется кто-то.

Снова все трое молчали. Саймон – вдумчиво, Ральф – недоверчиво и почти негодуя. Он сел, выпрямился, почесал грязной пятерней плечо.

– Ну, не знаю.

Джек вскочил, зататорил:

– Так бывает в лесу. Находит. Ерунда, конечно. Только...

Просто...

Он побежал было к воде и сразу вернулся.

– Просто я понимаю, каково им по ночам. Ясно? Ну и все.

– Главное – надо, чтоб нас спасли.

Джеку пришлось минуту подумать, пока он сообразил, о каком спасении речь.

– Спасли? Это конечно! Но сначала мне свинью бы добыть... – Он схватил копье и вонзил в землю. Снова глаза застлало безумие.

Ральф критически оглядел его из-за светлой путаницы волос:

– Только бы твои охотники помнили про костер...

– Опять ты с этим костром!..

Оба затрусил по берегу и уже у края воды повернулись и посмотрели на розовую гору. Дымная струйка чертила меловую полосу по густой сини и, качнувшись, таяла в вышине. Ральф нахмурился:

– Интересно, далеко его видно?

– А как же.

– Нет, мало дыма.

Словно почувствовав на себе их взгляд, струйка у основания растеклась густой кляксой, и та поползла вверх мутным столбцом.

– Зеленых веток добавили, – пробормотал Ральф. – Чего это они? – Он сощурился, обернулся к горизонту.

– Там! – Джек заорал так, что Ральф даже подскочил.

– Что? Где? Корабль?

Но Джек показывал на высокие откосы, которые шли с горы к более плоской части острова.

– Ясно! Там они и лежат! И куда им еще деваться, когда припечет!

Ральф недоуменно смотрел в его ликующее лицо.

– Они высоко забираются. Высоко – и в тень, и отдыхают в жару, как у нас коровы...

– Я думал, ты корабль увидел!

– Можно подкрасться... лица разрисовать, чтоб не увидели... окружить их и...

Но Ральфа от негодованья уже понесло:

– Я же тебе про дым! Да ты что-о? Не хочешь, чтоб тебя спасали? Заладил – свиньи, свиньи, свиньи!

– Нам мясо нужно!

– Я весь день работаю, и со мной никого, только Саймон, а ты приходишь и даже не замечаешь, чего мы понастроили!

– Я тоже не загорал.

– Тебе это одно удовольствие! – кричал Ральф. – Ты любишь охотиться! А вот я...

Оба стояли на ярком берегу, ошарашенные этим взрывом чувств. Ральф первый отвел глаза, якобы посмотреть на играющих в песке малышей. Из-за площадки неслись крики охотников в бухте. На краю площадки растянулся Хрюша, глядя вниз, в слепящую воду.

– Ни от кого нету толку.

Ему хотелось объяснить, как все всегда оказываются не такими, как от них ждешь.

– Вот Саймон – он-то помогает. – Он показал на шалаши. – Все смылись. А он не меньше моего делал. Только вот...

– Саймон-то вечно тут как тут...

Ральф зашагал к шалашам, Джек с ним рядом.

– Помогу немножко, – бормотнул Джек, – потом искупаюсь.

– Да ладно уж.

Но у шалашей Саймона не оказалось. Ральф сунул голову в дыру, высунулся и оглянулся на Джека:

– Смотался.

– Надоело ему, – сказал Джек. – Купаться пошел.

Ральф нахмурился:

– Станный он. С приветом.

Джек кивнул неопределенно, кажется, в знак согласия, и не сговариваясь оба бросили шалаши и отправились к бухте.

– Вот искупаюсь, поем чего-нибудь, – сказал Джек, –

и на ту сторону горы подамся, следы поищу. Пошли?

– Так ведь же солнце почти село!

– Ничего, я-то управлюсь...

Они шагали рядом – два мира чувств и понятий, неспособные общаться.

– Эх, мне бы застукать свинью!

– Выкупаюсь и сразу за шалаш возьмусь.

Они посмотрели друг на друга с изумленьем, любовью и ненавистью. Понадобились соленые брызги бухты, крики, барахтанье и смех, чтобы снова и их объединить.

Саймона, которого они думали застать на пляже, там не оказалось. Когда Ральф с Джеком спустились на берег, чтобы взглянуть на гору, он прошел за ними несколько ярдов и остановился. Нахмурившись, он нагнулся над грудой песка, из которого кто-то пытался вылепить домик. Потом отвернулся и целеустремленно направился к лесу. Он был маленький, тощий мальчуган с острым личиком, и глаза у него так сияли, что Ральф сначала принял его за веселого, хитрого шалуна. Черные густые космы нависали на низкий, широкий лоб и почти закрывали его. Шорты на нем истрепались, и он, как Джек, ходил босиком. И вообще-то смуглый, Саймон сильно загорел и блестел от пота.

Он пошел по просеке, мимо той скалы, на которую взбирался Ральф в первое утро, потом свернул вправо, под деревья. Ноги сами несли его привычным путем среди фрук-

товых деревьев, где каждый мог раздобыть себе вдоволь и без труда несытной, правда, еды. Цветы и фрукты росли рядом, вперемешку, и вокруг стоял запах спелости и густое жужжанье несметных пасущихся пчел. Здесь его догнали увязавшиеся за ним малыши. Они говорили все разом, что-то выкрикивали наперебой и тащили его к деревьям. Среди пчелиного гула, в закатных лучах, Саймон срывал им фрукты, до которых они не могли дотянуться, отыскивал среди листвы самые спелые и наобум совал в жадно протянутые ручки. Оделив всех, он оглянулся. Обнимая охапки отборных плодов, малыши смотрели на него неотрывно и загадочно.

Саймон бросил их и свернул на чуть заметную тропку. Скоро за ним сомкнулась чащоба. Высокие стволы поросли неожиданно бледными цветами до самых вершин, а там во тьме кипела шумная жизнь. Между стволами тоже была темень, и, как снасти затонувших судов, повисли на них лианы. Ноги Саймона оставляли следы на рыхлой земле, и по лианам, когда он за них задевал, во всю их длину пробегал трепет. Он добрался наконец до просвета. Тут лианам не приходилось далеко тянуться за солнцем, и они сплели большой ковер и занавесили чашу с опушки; здесь было каменисто и не росло ничего, кроме травки и папоротников. Темные пахучие кусты обнесли опушку стеной, и в этой ограде, как в чаше, плавали свет и жара. С краю опушки большое мертвое дерево привалилось к другим, еще крепким, и про-

ворный вьюнок бойко исчертил его щегольским красно-желтым узором до самого верха.

Саймон остановился. Он, как тогда Джек, оглянулся через плечо на сомкнувшийся за ним проход и посмотрел по сторонам, чтобы удостовериться, что никто за ним не следит. Он двигался почти воровато. Потом согнулся и заполз в самую гущу лиан; они сплелись здесь так часто, что взмокали от его пота и он еле сквозь них продирался. Скоро он оказался в гущине, в гнездышке, отделенном сквозящей листвой от опушки. На корточках он отвел руками листья и выглянул. Все застыло на свету, только две пестрые бабочки плясали под зноем. Затаив дыхание, Саймон вдумчиво вслушивался в шумы острова. К острову подступал вечер. Крики ярких, немыслимых птиц, пчелиный гул, даже возгласы чаек, тянущих к себе на ночлег среди скал, делались теперь глуше. Шорох отяжелевших волн у рифа, на мили вдали, был невнятнее шепота крови.

Саймон снова опустил лиственный занавес. Поток медовых лучей убывали. Скользнули по кустам, ушли с зеленых свечек, застряли в кронах, и под деревьями стала сгущаться тьма. Разом выцвели неумные краски, отпустила жара и тревога. Подрагивали зеленые свечки. Неуверенно, осторожно выпрастывались из чашечек белые края лепестков.

День совсем ушел с опушки, стерся с неба. Тьма хлынула на лес, затопляя проходы между стволами, пока они не стали тусклыми и чужими, как дно морское. Вместо свечек на ку-

стах раскрылись большие белые цветы, и уже их колол стеклянный свет первых звезд. Запах цветов вылился в воздух и заполнил остров.

Глава четвертая

Длинные волосы, раскрашенные лица

День раскачивался лениво, от рассвета до самого падения сумерек, и к этому ритму они раньше всего привыкли. По утрам их веселило ясное солнце и сладкий воздух, огромное море, игры ладились, в переполненной жизни надежда была не нужна, и про нее забывали. К полудню потоки света лились уже почти в отвес, резкие краски утра жемчужно линяли, а жара – будто солнце толкало ее, дорываясь до зенита, – обрушивалась как удар, и они от него уклонялись, бежали в тень и там отлеживались, даже спали.

Странные вещи творились в полдень. Слепящее море вздымалось, слоилось на пласты сущей немыслимости; коралловый риф и торчавшие кое-где по его возвышеньям чахоточные пальмы взмывали в небо, их трясло, срывало с места, они растекались, как капли дождя по проводу, множились, как во встречных зеркалах. А то земля вдруг вставала там, где никакой земли не было, и тут же на глазах у детей исчезала, как мыльный пузырь. Хрюша по-ученому развенчал все это и назвал миражем; а раз никто из мальчиков не мог добраться вплавь до рифа через лагуну, которую стерегли жадные акулы, то они просто привыкли к этим чудесам и их не замечали, как не замечали таинственных, дрожащих звезд. В полдень виденья сливались с небом, и солнце злым

глазом глядело вниз. Потом, к вечеру, мираж оседал и горизонт, четкий и синий, вытягивался под низящимся солнцем. И опять водворялась прохлада, омраченная, правда, угрозой тьмы. Лишь только солнце садилось, тьма лилась на остров, как из огнетушителя, и в шалашах под далекими звездами вселялся страх.

Однако североевропейский распорядок занятий, игр и еды мешал вполне отдаться новому ритму. Малыш Персиваль залез в шалаш рано и так и не вылезал оттуда два дня, говорил сам с собой, пел, плакал – они даже подумали, что он тронулся, и это им показалось забавно. Вышел он из шалаша осунувшийся, с красными глазами, несчастный: с тех пор этот малыш мало играл и часто плакал.

Мальчиков поменьше теперь обозначали общим названием «малыши». Уменьшение роста от Ральфа до самого маленького шло постепенно; и хоть казалось неясно, куда отнести Саймона и Роберта, каждый без труда определял, кто «большой», а кто «малыш». Несомненные малыши – шестилетки – вели особую, независимую и напряженную жизнь. Весь день они жевали, обрывая без разбора все фрукты, до которых могли дотянуться. У них вечно болели животы и был понос. Они невыразимо боялись темноты и в ужасе жались друг к другу. И все же они долгие часы проводили в белом песочке у слепящей воды, играя нехитро и бесцельно. Куда реже, чем следовало ожидать, они плакали и просились к маме; они очень загорели и ходили чумазые.

Они сбегались на звуки рога, отчасти потому, что дул в него Ральф, а он по своему росту был переходное звено к миру взрослой власти; отчасти же их развлекали собрания. А вообще они редко лезли к большим и держались особняком, поглощенные собственными важными чувствами и делами.

На отмели у речки они строили песчаные замки. Замки выходили высотой почти в фут, украшенные ракушками, вялыми цветами и необычными камушками. Их окружало сложное кольцо шоссе, насыпей, железнодорожных линий, пограничных столбов, раскрывавших свой смысл лишь присевшему на корточки наблюдателю. Малыши играли тут, пусть не слишком весело, зато пристально сосредоточась; и часто один замок строило не меньше троих.

Трое играли тут и сейчас – Генри был самый большой. Он был дальний родственник того мальчика с багровой отметиной, которого не видали на острове с самого пожара; но Генри ничего этого пока не понимал, и скажи ему кто-нибудь, будто тот улетел домой на самолете, он бы ничуть не смутился и тотчас поверил.

Генри сегодня почти верховодил, потому что прочие двое были Персиваль и Джонни, самые маленькие на всем острове. Персиваль был серый, как мышонок, и, конечно, не казался хорошеньким даже собственной маме; Джонни был складный, светловолосый и от природы задира. Но сейчас он слушался Генри, потому что увлекся игрой; и все трое, сидя на корточках, мирно играли.

Из лесу вышли Роджер и Морис. Они отдежурили свое у костра и теперь шли купаться. Роджер шагал прямо по замкам, пинал их, засыпал цветы, разбрасывал отборные камушки. Морис с хохотом следовал за ним и довершал разрушение. Трое малышей перестали играть и смотрели на них. Как раз те самые вехи, которые занимали детей сейчас, случайно уцелели, и никто не взбунтовался. Только Персиваль захныкал, потому что ему в глаз попал песок, и Морис поспешил прочь. В прежней жизни Морису случилось претерпеть нагоняй за то, что засорил песком глаз младшего. И теперь, хоть рядом не было карающей родительской руки, Мориса все же тяготило сознание греха. В мыслях невнятно пробивалось подобие извинения. Он бормотнул, что пора и поплавать, и затрусил к воде.

Роджер задержался, глядя на малышей. Он не особенно загорел с тех пор, как оказался на острове, но темная грива, падая на лоб и шею, странно шла к угрюмости лица; и, прежде казавшееся просто замкнутым, оно теперь почти пугало. Персиваль перестал хныкать и снова стал играть – песок вымыло слезами. Джонни смотрел на него синими бусинками, потом взбил фонтан из песка, и Персиваль снова заплакал.

Генри надоело играть, и он побрел вдоль берега, Роджер пошел за ним, но держался поближе к пальмам. Генри брел далеко от пальм и тени – он был еще мал и глуп и не прятался от солнца. Он спустился к воде и стал возиться у края.

Был прилив, могучий, тихоокеанский, и каждые несколько секунд вода в спокойной лагуне чуть-чуть поднималась. Кое-кто жил в самой крайней водной кромке – мелкие прозрачные существа взбегали с волной пошарить в сухом песке. Крошечными органами чувств они проверяли новое поле: а вдруг там, где во время последнего их наскока ничего не было, окажется еда – птичий помет, мошки, неожиданные отбросы наземной жизни. Словно несчетными зубчиками небывалых грабель, они прочесывали и вычищали песок.

Генри не мог оторваться от этого зрелища. Он тыкал в песок палочкой, выбеленной, обкатанной, тоже оказавшейся тут по воле волн, и старался направить по-своему усилия маленьких мусорщиков. Он рыл в песке канавы, их заливал прилив, и Генри сталкивал в эти воды своих подопечных. Замирая от счастья, он наслаждался господством над живыми тварями. Он с ними разговаривал, он приказывал, понукал. Прилив заставлял Генри пятиться, наливал его следы и превращал в озера, где подданные оказывались в его нераздельной власти. Генри сидел на корточках у края воды, наклонясь, волосы свисали ему на лоб, на глаза, а дневное солнце градом пускало в него невидимые стрелы.

Роджер выжидал. Сперва он притаился за стволом толстой пальмы. Но Генри был так явственно поглощен своим занятием, что Роджер в конце концов совершенно перестал прятаться. Он вышел из-за ствола и оглядел берег. Персиваль с ревом убежал, и замки достались счастливцу Джон-

ни. Тот сидел среди них, напевал и швырял песком в воображаемого Персиваля. За ним Роджер видел выступ площадки и отсветы брызг – в бухте плескались Ральф, и Саймон, и Хрюша, и Морис. Он внимательно вслушался, но, кроме их криков, ничего не услышал.

Вдруг ветер качнул пальмы, так что дрогнули и забились листья. С ветки в шести футах над Роджером сорвалась гроздь орехов, волокнистых комьев, каждый – мяч для регби. Они тяжело плюхнулись вокруг, но в него не попали. Роджер и не подумал спастись. Он переводил взгляд с орехов на Генри.

Пальмы росли на намывной полосе, и многие поколения пальм повытягивали из почвы камешки, прежде лежавшие в песке другого берега. Роджер нагнулся, поднял камешек и запустил в Генри, но так, чтобы промахнуться. Камень символом сместившегося времени просвистел в пяти ярдах от Генри и бухнул в воду. Роджер набрал горстку камешков и стал швырять. Но вокруг Генри оставалось пространство ярдов в десять диаметром, куда Роджер не дерзал метить. Здесь, невидимый, но строгий, витал запрет прежней жизни. Ребенка на корточках осеняла защита родителей, школы, полицейских, закона. Роджера удерживала за руку цивилизация, которая знать о нем не знала и рушилась.

Вода хлопала. Генри насторожился. Он изменил своим тихим прозрачным малявкам и, как сеттер, нацелился на центр сляющихся кругов. Камни падали то по одну,

то по другую сторону от Генри, и он послушно крутил шейю, но все не успевал застигнуть взглядом камень на лету. Наконец это ему удалось, и он стал весело озираться и искать, где же решивший его позабавить приятель. Но Роджер снова нырнул за ствол и прижался к нему. Он запыхался и жмурился. А Генри уже утратил к камням интерес и побрел прочь.

– Роджер...

Джек стоял ярдах в десяти, под пальмой. Роджер открыл глаза, увидел его, и еще более темная тень напозла на смуглоту щек, но Джек ничего не заметил. Он кивал, он всем своим видом подзывал Роджера, и Роджер к нему подошел.

У моря запруженная песком река наливала заводь, крошечное озерцо. Оно все поросло иголками камыша и кувшинками. Там ждали Сэм и Эрик и еще Билл. Джек зашел в тень, стал возле озерца на коленки и развернул два больших листа. В одном оказалась белая глина, в другом – красная. Рядом была головешка.

Между делом Джек объяснял Роджеру:

– Чуютъ они меня не чувт. А видят наверное. Видят что-то розовое в кустах.

Он размазывал по лицу глину.

– Эх, мне бы еще зелененькой!

Он повернулся к Роджеру наполовину закрашенным лицом и ответил на мелькнувшую в его взгляде догадку:

– Это я для охоты. Как на войне. Ну – маскировка. Когда что-то на что-то еще похоже.

Он очень старался растолковать это Роджеру.

– ...ну, как бабочки на дереве серые...

Роджер понял и угрюмо кивнул. Близнецы подошли к Джеку и стали чем-то возмущаться. Джек отмахнулся от них:

– Да ну вас.

Он затушевывал головешкой просветы между красным и белым у себя на лице.

– Хотя нет. Вы со мной пойдете.

Он взглянул на свое отражение и разочаровался. Нагнувшись, зачерпнул полные пригоршни теплой воды и все смыл с лица. Снова показались веснушки и рыжие брови.

Роджер хмуро усмехнулся:

– Вид ничего.

А Джек уже сочинил себе новое лицо. Одну щеку и веко он покрыл белым, другую половину лица сделал красной и косо, от правого уха к левой скуле, полоснул черной головешкой. Потом опять заглянул в воду, но от его дыхания она замутилась.

– Эрикисэм. Ну-ка быстренько мне кокос. Пустой.

Он стал на коленки и зачерпнул скорлупой воды. Круглая солнечная заплата легла на лицо, и глубь высветлилась ярким зеркалом. Он недоуменно разглядывал – не себя уже, а пугающего незнакомца. Потом выплеснул воду, загоготал и вскочил на ноги. Возле заводи над крепким телом торчала маска, притягивала взгляды и ужасала. Джек пустился

в пляс. Его хохот перешел в кровожадный рык. Он поскакал к Биллу, и маска жила уже самостоятельной жизнью, и Джек скрывался за ней, отбросив всякий стыд. Красное, белое, черное лицо парило по воздуху, плыло, пританцовывая, надвигалось на Билла. Билл хихикал, потом вдруг смолк, повернулся и стал продираться сквозь кусты. Джек метнулся к близнецам.

– Остальным построиться. Пошли.

– Но ведь же...

– ... мы...

– Пошли! Я подкрадусь и ка-ак...

Маска завораживала и подчиняла.

Ральф вылез из воды, пробежал по берегу и сел в тень, под пальмы. Светлые волосы налипли ему на лоб, и он их смахнул. Саймон плавал и сучил ногами, а Морис учился нырять. Хрюша слонялся по берегу, что-то искал в песке, подбирал, равнодушно бросал. Пленившие его прудки накрыло приливом, и он выжидал, когда спадет вода. Вот он увидел Ральфа под пальмой, подошел и устроился рядышком.

На Хрюше еще кое-как держались остатки шортов, толстый живот золотисто загорел, и очки по-прежнему всплывали, когда он на что-то устремлял взгляд. У него, единственного на острове, волосы будто и не отросли. Все мальчишки встряхивали густыми гривами, а у Хрюши голова чуть-чуть обросла, будто ей так и надо быть лысой и этот несовер-

шенный покров потом сойдет, как мшистый налет с рогов олененка.

– Я вот думал, – сказал он, – насчет часов. Нам бы солнечные часы сделать. Воткнуть в песок палку и...

Объяснять связанные с этим математические сложности было бы чересчур утомительно. Хрюша сделал только несколько круговых взмахов руками.

– И еще можно сделать самолет, и телевизор, – отозвался Ральф кисло, – и паровой двигатель.

Хрюша покачал головой.

– Туда сколько металла идет, – сказал он. – У нас же нету его, металла этого. А палка вот есть.

Ральф обернулся и не удержался от улыбки. Хрюша был зануда. Его пузо и практические идеи надоели Ральфу, но ужасно весело было его дурачить, даже когда это выходило не нарочно.

Хрюша увидел улыбку и ложно истолковал ее как знак дружелюбия. Старшие не сговариваясь сошлись на том, что Хрюша чужак, не только из-за акцента и ошибок, ошибки-то бы еще куда ни шло, но из-за пуза, астмы, стекляшек и известного отвращения к физическому труду. И вот, заметив, что развеселил Ральфа, он обрадовался и стал развивать свою мысль:

– У нас сколько хочешь их, палок. Можно, чтоб у каждого свои часы. И будем всегда сколько время знать.

– Вот уж много толку!

– Сам говорил – надо чего-то делать. Чтобы нас спасли.

– А, да ну тебя.

Он вскочил и побежал к бухте, где Морис как раз нырнул весьма неудачно. Ральф обрадовался, что можно переменить тему. И, завидя вынырнувшего Мориса, закричал:

– Эх ты, мешок! Мешок!

Морис улыбнулся Ральфу, а тот легко заскользил по воде. Он тут лучше всех плавал. Но сейчас болтовня о спасении, дурацкая трепотня о спасении, его разозлила и не утешали даже зеленая глубь и золотое, дробное солнце. Он не стал играть с ребятами, ровно прогреб под Саймоном и, блестя и струясь, как тюлень, вылез полежать на другой стороне. Этот нелепый Хрюша подался туда же, но Ральф лег на живот и притворился, будто его не заметил. Мираж исчез, и Ральф хмуро кинул взглядом по тугой и синей черте горизонта.

Через секунду он был на ногах, он орал:

– Дым! Дым!

Саймон сел было прямо в воде и, конечно, захлебнулся; Морис, собиравшийся нырнуть, качнулся на пятках, метнулся к площадке, свернул и бросился на траву под пальмы. И на всякий случай стал натягивать свои рваные шорты.

Ральф стоял, одной рукой он придерживал волосы, другую сжал в кулак. Саймон выбирался из воды. Хрюша тер очки об шорты и косился на море. Морис совал обе ноги в одну штанину. Только Ральф не шевелился.

– Дыма не видать, – протянул с сомнением Хрюша. – Дыма не видать. Где он у тебя, дым этот, а, Ральф?

Ральф молчал. Он теперь обеими руками зажал лоб, чтоб в глаза не лезли волосы. Весь подался вперед, и соль уже выбеливала ему тело.

– Где ж корабль, а, Ральф?

Саймон стал рядом и смотрел на горизонт из-за плеча Ральфа. Штаны Мориса вздохнули и треснули, он скинул их, побежал за деревья и тотчас вернулся.

Дым был – плотный узелок над горизонтом, и узелок этот тихо-тихо разматывался. Под ним была точка – наверно, труба. Ральф, весь белый, бормотал:

– Они увидят наш дым.

Хрюша наконец-то смотрел куда нужно:

– Его почти что не видать.

Он оглянулся и посмотрел на гору. Ральф впился взглядом в корабль. Лицо было уже не такое белое. Саймон стоял рядом и молчал.

– Я, конечно, плохо вижу, – сказал Хрюша. – Но наш дым-то, он у нас есть или нету его?

Ральф только дернулся, не отрываясь от корабля.

– Где наш-то дым?

Подбежал Морис, он тоже уставился на море. Саймон и Хрюша смотрели на гору. Хрюша сморщился, а Саймон заорал, как будто больно ударился:

– Ральф! Ральф!

Голос был такой, что Ральфа завертело на песке.

– Вы мне скажите, – изнемогал Хрюша. – Есть там сигнал?

Ральф глянул на тающий дым над горизонтом, потом снова на гору.

– Ральф, ну Ральф же! Есть там сигнал?

Саймон робко потянулся рукой к Ральфу; но Ральф уже бежал, взметая брызги, он пронесся по отмели, по белому, каленому песку, под пальмы. Через секунду он сражался с кустами, которыми уже заросла просека. Саймон побежал следом, за ним Морис. Хрюша все орал:

– Ральф! Ральф!

Потом он тоже побежал и, взбираясь на террасу, споткнулся о сброшенные Морисом шорты. Позади, за четверыми мальчиками, медленно скользил по горизонту дымок; а на берегу Генри и Джонни швыряли песком в глаза Персивалю, и снова тот уныло хныкал; и все трое не ведали о переполохе.

Одолев просеку, Ральф совсем запыхался и только и мог что выругаться. Он нещадно кидался беззащитно голым телом на шипы и весь окровавился. У крутого подъема, уже на гору, он запнулся. Морис был сзади, всего в нескольких ярдах.

– Хрюшины очки! – крикнул Ральф. – Если костер погас...

Он смолк и покачнулся. Хрюша еще ковылял по берегу, еле видный отсюда. Ральф глянул на горизонт, потом опять

на гору. Может, лучше сперва взять у Хрюши очки? Или корабль уйдет? Но вдруг они взберутся, а огонь погас, и стой тогда и смотри, как плетется Хрюша, а корабль исчезает за горизонтом? И в последней крайности, не зная, на что решиться, Ральф крикнул:

– Господи! Ох! Господи!

Саймон, задыхаясь, продирался сквозь кусты. Ему свело лицо. Ральф карабкался вверх, провожая бешеным взглядом исчезающий дымный жгутик.

Костер погас. Они это поняли сразу. Они это знали уже там, внизу, когда их поманил родной дым. Костер совсем погас, не дымился, остыл; дежурные ушли. Рядом наготове лежало бесполезное топливо.

Ральф оглянулся на море. Снова чужой и пустой – только смутный след от дыма – вытянулся горизонт. Ральф, спотыкаясь, бежал вдоль скал, отшатывался от красного обрыва и кричал кораблю:

– Вернитесь! Вернитесь!

Он метался по краю обрыва, не отворачивая лица от моря, и как сумасшедший звал:

– Вернитесь! Вернитесь!

Подоспели Саймон и Морис. Ральф смотрел на них не мигая. Саймон отвернулся, утирая щеки. Ральф выпалил ужасное – хуже он не знал – слово:

– Сволочи! Погубили костер.

Он скользнул глазами вдоль чужого склона. Хрюша нако-

нец вскарабкался, он задыхался, и он хныкал, как малыш. Вдруг Ральф сжал кулаки и ужасно покраснел. Взгляд вперился в одну точку, голос сорвался:

– Вон они.

Процессия двигалась далеко вниз, у самой воды, по розовой осыпи. Кое на ком из мальчиков были черные шапочки, вообще же шли почти нагишом. Дружно поднимали палки вверх, нападая на легкие тропки. Что-то пели, что-то насчет груза, который очень осторожно несли заблудшие близнецы. Джека Ральф различил сразу, даже с такого расстояния; высокий, рыжий, он, разумеется, шел во главе.

Саймон посмотрел на Джека из-за плеча Ральфа, как раньше он смотрел из-за плеча Ральфа на горизонт, и, кажется, испугался. Ральф больше ничего не сказал и ждал, когда они подойдут. Пенье сюда долетало, но даль заглывала слова. За Джеком шли близнецы и несли на плечах длинную жердь. Кровавая свиная туша свисала с жерди и грузно качалась, когда близнецы спотыкались на неровной дороге. Голова моталась под зияющим горлом и будто вынюхивала дорогу. Вот уже над черным палом забились обрывки песни: «Бей свинью! Глотку режь! Выпусти кровь!»

Но как раз когда они стали разбирать слова, процессия дошла до самой кручи и на минутку песня запнулась. Хрюша хлопнул носом, и Саймон шикнул на него, будто он громко заговорил в церкви.

Первым на вершине показалось раскрашенное лицо Дже-

ка, и он, ликуя, поднял копьё в знак приветия.

– Смотри-ка, Ральф. Мы свинью убили. Подкрались...
Окружили...

И охотники наперебой:

– Окружили...

– Ка-ак нападём...

– Она визжать...

Свинья качалась между близнецами, роняла черные капли. На лицах близнецов, будто на двоих одна, сияла самозабвенная улыбка. Джека распирало, он не знал, с чего начать. Сначала вместо слов он просто пустился в пляс, но вспомнил о своем достоинстве и застыл, улыбаясь. Заметил у себя на руках кровь, перекосясь, искал, чем бы ее вытереть, вытер об шорты и расхохотался.

Тогда заговорил Ральф:

– Вы бросили костер.

Джек осекся от такой бестактности, но она не могла омрачить его счастья.

– Ничего, новый разведем. Эх, Ральф, был бы ты с нами. Было потрясающе! Она лягнула близнецов, они шлепнулись...

– Мы ее зажали...

– Я ка-ак на нее...

– А я ей горло перерезал. – Джек сказал это гордо, но все-таки передернулся. – Разреши, Ральф, я твой нож возьму, первую зарубку у себя на рукоятке сделать.

Охотники скакали и трещали. Близнецы все еще улыбались.

– Крови было – жуть! – Джек захохотал и снова передернулся. – Ты бы видел!

– Теперь мы каждый день будем охотиться...

Ральф не двигался, он снова заговорил, севшим голосом:

– Вы бросили костер.

Джека наконец проняло. Он переводил взгляд с близнецов на Ральфа.

– Они нам для охоты были нужны, – сказал он, – а то бы нам ее не окружить. – И он вспыхнул виновато.

– Костер же час или два всего как погас. Новый разведем...

Он заметил разодранную голую кожу Ральфа, хмурое молчание всех четверых. В великодушии счастья ему хотелось всех оделить радостью происшедшего. В голове теснились образы, открытия; открытия, которые они сделали, когда зажали бьющуюся свинью, перехитрили живую тварь, покорили своей воле, а потом долго, жадно, как пьют в жару, отнимали у нее жизнь.

– Крови было!

И он широко развел руки в стороны.

Притихшие охотники снова оживились. Ральф смахнул волосы со лба. Другой рукой показал на пустой горизонт. Голос был такой громкий и злой, что все сразу стихли.

– Там был корабль.

Джек сразу понял, что это означает, и не выдержал взгляда Ральфа. Нагнулся, положил руку на свиную тушу, взялся за нож. Ральф сжал кулак, и голос у него дрогнул:

– Был корабль. Там. Ты обещал следить за костром, а он из-за тебя погас.

И шагнул к Джеку. Тот уже смотрел ему в лицо.

– Они бы нас заметили. Мы бы домой поехали.

Этого Хрюша не снес, от горя он позабыл о всякой робости. Он завопил:

– А ты, Джек Меридью, все со своей этой кровью! Со своей охотой! Мы бы домой поехали!

Ральф отстранил Хрюшу:

– Тут я главный. И ты должен исполнять, что я скажу. А ты только говорить умеешь. Ты даже шалаши строить не можешь. Тебе бы все охотиться, а костер погас.

Он отвернулся и на секунду умолк. Потом голос у него опять чуть не сорвался:

– Был корабль...

Один из охотников, который поменьше, расплакался. До всех уже доходила ужасная истина. Джек, ковырявший ножом тушу, весь покраснел.

– Работа большая. Нам все были нужны.

Ральф повернулся:

– Кончили бы шалаши, и были бы у тебя все. Так нет, тебе лишь бы охотиться...

– Нам мясо нужно.

Джек выпрямился. С ножа капала кровь. Двое мальчиков стояли лицом к лицу. Сверкающий мир охоты, следопытства, ловкости и злого буйства. И мир настойчивой тоски и недоумевающего рассудка. Джек переложил нож в левую руку и размазал кровь по лбу, сдвигая налипшую прядь.

Хрюша опять завел:

– Все из-за тебя. Обещал следить за дымом...

Такое от Хрюши да еще под всхлипы кое-кого из охотников вывело Джека из себя. В синих глазах метнулась ярость. Он шагнул, с облегчением размахнулся и ткнул Хрюшу в живот кулаком. Тот хрюкнул и сел. Джек стоял над ним. Голос у него исказился от унижения:

– А этого не хочешь? Что – съел? Жирняй!

Ральф шагнул к ним, и Джек съездил Хрюшу по голове. Очки упали, звякнули об камни. Хрюша заорал в ужасе:

– Мои очки!

Он ползал на четвереньках, шарил по камням, но Саймон опередил его и подал ему очки. На вершине горы крылато кружили и бились, раздирая Саймона, страсти.

– Одно стекло разбито.

Хрюша схватил очки и надел. Он злобно смотрел на Джека.

– Я не могу без очков. Я одноглазый теперь. Ты дождешься!

Джек двинулся на Хрюшу, тот уклонился, перелез через большой камень и спасся за ним. Высунулся и сверкнул уцелевшим стеклом на Джека:

– Я не могу без очков! Ты дождешься!

Джек изобразил и позу, и вой:

– Без очо-о-к, дождесся!

Сам Хрюша и представление Джека были до того уморительны, что охотники прыснули. Джек ободрился. Он сделал еще несколько шажков раскорякой, и все зашлись от хохота. Даже у Ральфа дрогнули губы, но он тотчас же разозлился на себя. И почти шепнул:

– Это подлость.

Джек вздрогнул, перестал кривляться, постоял, посмотрел на Ральфа. И выкрикнул:

– Ну ладно! Ладно!

Он оглядывал Хрюшу, Ральфа, охотников.

– Правда, это нехорошо. Ну, насчет костра... Вот, значит... я...

И – с оттяжкой:

– Прошу меня извинить.

Охотники отозвались на красивый жест восхищенным гулом. Они давали понять, что Джек молодец, что от своего великодушного извинения он только выгадал, тогда как Ральф каким-то образом прогадал. И теперь от него ждали достойного ответа.

Ничего, ничего такого Ральф не мог из себя выдавить. Джек действительно ловко выкрутился, но Ральфа он только еще больше разозлил. Костер погас, корабль ушел. Неужели им этого мало? Какой уж достойный ответ, он не мог совла-

дать со злостью:

– Это подлость.

Над вершиной горы сгустилось молчанье. Взгляд Джеку застлала муть и прошла.

Последнее слово осталось за Ральфом. Он буркнул:

– Ладно. Разжигайте костер.

Наконец можно было заняться делом, и всем полегчало.

Ральф больше ничего не говорил, не делал, он стоял и смотрел на золу под ногами. Джек очень шумел. Отдавал приказы, пел, свистел, бросал фразы молчащему Ральфу, фразы, не требовавшие ответа и потому не приглашавшие к перепалке; а Ральф все молчал. Никто, даже Джек, не рискнул попросить, чтоб он сдвинулся, и в конце концов костер стали складывать ярдах в трех от него, на куда менее удобном месте. Так Ральф утвердил свое главенство и не придумал бы лучшего способа, если б хоть целую неделю ломал над этим голову. Перед оружием, столь непонятным и неодолимым, Джек пасовал и безотчетно кипел. К тому времени когда костер сложили, их разделял высокий барьер.

Когда осталось только зажечь, снова была напряженная минута. Джек нерешительно мешкал. И вот, к его изумлению, Ральф подошел к Хрюше и снял с него очки. Ральф и сам не заметил, как между ним и Джеком вновь закрепилась треснувшая было нить.

– Давай я.

– Нет, я сам.

Хрюша стоял за Ральфом, утопая в море ополоумевших красок, а тот, на коленках, направлял зайчика. Как только огонь вспыхнул, Хрюша сразу протянул руку и схватил свои очки.

Непобедимо лиловые, красные, желтые цветы ошарашивали их красотой, и всем стало не до враждебности. Снова они сделались мальчиками вокруг бивачного костра, и даже Ральф с Хрюшей почти влились в кружок. Скоро все побежали за валежником, а Джек разделявал тушу. Сперва хотели всю тушу зажарить прямо на жерди, но ничего не вышло, жердь сразу сгорела. Тогда сообразили натывать куски мяса на ветки и совали в огонь; но так и самим приходилось хорошенько поджариваться.

У Ральфа текли слюнки. Он думал отказаться от мяса, но долгая диета из фруктов, орехов да кое-когда то рыбы, то краба сломила его выдержку. Он схватил кусок недожаренного мяса и накинулся на него, как волк.

У Хрюши тоже текли слюнки, он сказал:

– А мне?

Джек собирался потомить его неизвестностью, чтоб показать свою власть; невыдержанный Хрюша сам нарывался на жестокость.

– Ты не охотился.

– Ральф тоже, – зашелся Хрюша. – И Саймон. – И он подытожил: – В крабе небось не больно много мяса поешь.

Ральф поежился. Саймон, сидевший между Хрюшей

и близнецами, обтер рот, сунул свой кусок Хрюше за камень, и тот его схватил. Близнецы фыркнули, а Саймон потупился от стыда.

Тут Джек вскочил, откромсал большущий кусок мяса и швырнул к ногам Саймона.

– На! Жри, тебе говорят!

Он буравил Саймона взглядом.

– Ну!

Он закружился в центре кружка ошарашенных мальчиков.

– Я вам мясо добыл!

Вся досада, все несчетные стыдные обиды вылились в перевозданной пугающей вспышке.

– Я раскрасил лицо... Я подкрался... Ну и жрите... А я...

На вершине горы молчанье густело, густело, пока не стало слышно, как трещит огонь и, жарясь, шипит мясо. Джек огляделся, ища сочувствия, но встретил одну почтительность. Ральф стоял на пепелище сигнального огня с мясом в руках и молчал.

Наконец молчанье нарушил Морис. Он обратился к единственной теме, которая могла объединить всех:

– А вы ее где нашли?

Роджер кивнул на чужой склон:

– Там они были. У моря...

Джек уже оправился. Он сам хотел рассказывать. Он перебил Роджера:

– Мы залегли вокруг. Я подкрался на четвереньках. Копья ее не брали, без зазубрин потому что. Свинья побежала и как завизжит...

– Потом обратно, попала в кольцо, кровь хлещет...

Мальчики трещали наперебой, радостно, взახлеб:

– Мы ее зажали в кольцо...

От первого же удара у свиньи отнялись задние ноги, так что легко было зажать ее и добивать, добивать...

– А я ей горло перерезал.

Близнецы, со своей вечной обоеликой улыбкой, вскочили и стали плясать один вокруг другого. И вот плясали уже все, все визжали в подражание издыхающей свинье, кричали:

– По черепушке ее!

– По пяточку!

Морис с визгом вбежал в центр круга, изображая свинью; охотники, продолжая кружить, изображали убийство. Они танцевали, они пели:

– Бей свинью! Глотку режь! Добивай!

Ральф смотрел на них, ему было и завидно, и противно. Он выждал, пока они утомонились, пока замолкли последние отзвуки песни, и только тогда заговорил:

– Я созываю собрание.

Все по очереди замирали и обращали к нему лица.

– Собрание. Я объявляю сбор, хоть нам, может, придется сидеть в темноте. Идите на площадку. Как только я протрублю в рог. Сейчас же.

Повернулся и пошел вниз.

Глава пятая

Зверь выходит из вод

Вода прибывала, и только узкая полоска твердого берега осталась между белым бугристым подножьем террасы и морем. Ральф пошел по этой твердой полоске, потому что ему надо было хорошенько подумать, а хорошо думается только тогда, когда идешь, не глядя себе под ноги. И вдруг, бредя вдоль воды, он изумился. Он вдруг понял, как утомительна жизнь, когда приходится заново прокладывать каждую тропку и чуть не все время, пока не спишь, ты следишь за своими вышагивающими ногами. Он остановился, окинул взглядом обуженный пляж, первая веселая разведка вспомнилась ему как что-то из дальнего, лучезарного детства, и он горько усмехнулся. Он повернул и пошел обратно, к площадке, и солнце теперь било ему в лицо. Ральф готовился к речи, и, бредя в густом, слепящем солнечном блеске, он пункт за пунктом ее репетировал. Итак, это собрание не для глупостей, с этим пора покончить, сейчас вообще не до выдумок...

Он запутался в мыслях, неясных оттого, что ему не хватало слов, чтобы выразить их. Нахмурился и стал обдумывать все сначала.

Это собрание не забава, а дело серьезное.

Тут он прибавил шагу, подгоняемый мыслью о том, что надо спешить, что садится солнце, и всколыхнувшийся

от его скорости ветерок дунул ему в лицо. Ветерок приплюснул серую рубашку к груди Ральфа, и он заметил – он сейчас вообще все понимал и замечал, – как складки на рубашке противно задубели, стали будто картонные и как обтрепанными краями шортов ему больно, докрасна растерло ноги. Ральф с омерзеньем понял, до чего он грязен и опустился; он понял, как надоело ему вечно смахивать со лба спутанные космы и по вечерам, когда спрячется солнце, шумно шуршать сухой листвой, укладываясь спать. Тут он припустил почти бегом.

Берег возле бухты был усеян группками ожидавших собрания мальчиков. Перед ним молча расступались, понимая, что он не в духе из-за незадачи с костром.

Место для собраний, где он остановился, было треугольником, но, как и все, что они делали, составленным наспех и кое-как. Основанием было бревно, на котором полагалось сидеть самому Ральфу, – огромное мертвое дерево необычных для площадки размеров. Вряд ли оно могло тут вырасти. Скорей всего его занесло одной из знаменитых тихоокеанских бурь. Оно лежало параллельно берегу, и, сидя на нем, Ральф смотрел на остров, для других вырисовываясь темным силуэтом против сверканья лагуны. Боковые стороны треугольника были неравны. Справа лежал ствол, отполированный беспокойным ерзаньем, но уже не такой толстый и куда менее удобный. Слева было четыре небольших бревнышка, и одно – дальнее – злосчастно пружинило. Каждый

раз собрание разражалось хохотом, когда кто-то, слишком привольно рассевшись, толкал его и оно скидывало полдюжины ребят в траву. И ни у кого, подумал теперь Ральф, ни у кого не хватило ума – хорош же он сам, и Джек, и Хрюша – привалить камень к деревцу, которому охота кувыряться. Так и будут они с него плюхаться, потому что, потому что, потому... И снова он совершенно запутался.

Возле каждого бревна трава повытерлась, но в центре треугольника она росла высоко и буйно. У вершины трава была тоже густая, там никогда не садился никто. Высокие серые стволы ровно тянулись вверх или клонились вокруг треугольника, подпирая низкую лиственную кровлю. По бокам был берег, сзади – лагуна, впереди – темень острова.

Ральф подошел к своему месту. Никогда еще он так поздно не созывал собраний. Ну да, потому-то все сейчас и выглядело по-другому. Обычно зеленая кровля снизу высвечивалась золотыми бликами и тени на лицах были перевернуты, как когда держишь фонарик в руке. А теперь солнце садилось и забрасывало тени, как им положено.

Опять его повело на мудреные выкладки. Если лицо совершенно меняется от того, сверху ли или снизу его осветить, – чего же стоит лицо? И чего все вообще тогда стоит?

Ральф поежился. Когда ты главный, тебе приходится думать и надо быть мудрым, в этом вся беда. То и дело надо принимать быстрые решения. И тут поневоле будешь думать, потому что мысли – вещь ценная, от них много проку.

«Только вот, – решил Ральф, глядя на место главного, – думать-то я не умею. Не то что Хрюша».

Второй раз за вечер Ральф пересматривал ценности. Хрюша думать умеет. Как он здорово, по порядку все всегда провернет в своей толстой башке. Но какой же Хрюша главный? Хрюша смешной, толстопузый, но котелок у него варит, это уж точно. Ставши специалистом по части мыслей, Ральф теперь-то уж понимал, кто умеет думать, кто нет.

Бьющее в глаза солнце напомнило о позднем часе, и он снял с дерева рог и стал рассматривать. От того, что его вытащили из родной стихии, розовая и желтая поверхность рога выцвела чуть не до белизны и стала почти прозрачной. Ральф рассматривал рог с нежной почтительностью, будто вовсе и не он сам своими руками выловил его из воды. Он окинул взглядом место собраний и поднял рог к губам.

Все только того и ждали и сбежались сразу. Те, кто знал, что корабль прошел мимо острова, а костер не горел, боялись еще больше прогневить Ральфа; те же, кто, как малыши, например, ничего не знали, поддались общему настроению. Места быстро заполнялись. Джек, Саймон, Морис, большинство охотников сели справа от Ральфа; остальные – слева, на солнце. Хрюша остался вонне треугольника. Это означало, что он намерен слушать, не говорить; Хрюша выражал таким образом неодобрение.

– Значит, так: нам надо сейчас же провести собрание.

Никто ничего не ответил, но все лица обратились к Раль-

фу. Ральф покачал рогом. Он по опыту знал, что подобные важные утверждения, чтобы они дошли до всех, надо повторить хотя бы дважды. Надо сидеть, держать рог перед глазами мальчиков, кое-как пристроившихся на бревнах, и ронять слова обкатанными тяжелыми камешками. Он искал в уме самых простых слов, чтобы даже малыши могли их понять. Потом уж пусть Джек, Морис и Хрюша плетут что хотят, это они умеют, но сначала надо ясно и четко выразить, о чем пойдет речь.

– Нам надо сейчас же провести собрание. Не для шуточек. Не для того, чтоб хихикать или сваливаться с бревна, – малыши на кувыркающемся бревне хихикнули и переглянулись, – не для того, чтоб остроумие показывать и... – он поднял рог и с натугой искал словцо похлеще, – умничать. Со всем не для этого всего. А чтобы поговорить начистоту.

Он немного помолчал.

– Вот я шел. Шел я один и думал. Я знаю, что нам надо. Нам надо поговорить начистоту. Ну и вот, сейчас я сам скажу.

Он опять помолчал и привычно смахнул волосы со лба. Хрюша на цыпочках подошел к треугольнику, покончив с неудачной демонстрацией.

Ральф продолжал:

– Собраний у нас хватает. Всем нравится говорить, собираться. Всякие решенья принимать. Но мы ничего не выполняем. Вот решили носить воду из реки в кокосовых скорлупах.

пах, накрывать ее свежими листьями. Ну, и сперва так и было. Теперь воды нет. Скорлупы сухие. Все на реку ходят пить.

Пронесся гул. Все соглашались с Ральфом.

– Конечно, из реки тоже можно напиться, что тут плохого. Я и сам-то лучше стану пить там, ну, где водопад, вы знаете, чем из старой кокосовой скорлупы. Но ведь мы же сами решили носить. И не носим. Сегодня было только две скорлупы с водой.

Он провел языком по сухим губам.

– Теперь про шалаши. Про убежища.

Снова поднялся и стих гул.

– Спите вы почти все в шалашах. Сегодня, кроме Эрикис-эма, которые у костра дежурят, все в шалашах будут спать. А кто их строил?

Тут уж собрание расшумелось. Шалаши строили все. Снова Ральфу пришлось помахать рогом.

– Погодите вы! Я спрашиваю – кто все три шалаша строил? Первый мы строили все, второй строили вчетвером, а последний только мы с Саймоном. То-то он и шатается. Погодите. Ничего смешного. Он развалится, когда опять польет дождь. А тогда нам будут нужны все три шалаша.

Он умолк, откашлялся.

– И еще одно. Мы решили, что уборная у нас будет там, в тех скалах за бухтой. Что ж, очень даже правильно. Волны сами обмывают эти скалы. Это и малыши знают.

Кругом опять стали хихикать и переглядываться.

– А теперь где хотят, там и присаживаются. Возле самых шалашей, прямо на площадке. Вы, малыши, если у вас схватит живот, когда рвете фрукты...

Собрание ревело.

– Я говорю, как прихватит, вы бы хоть от фруктов подальше. А то грязь и безобразие.

Снова поднялся смех.

– Я говорю, это безобразие!

Он подергал на себе серую, задубевшую рубашку.

– Безобразие! Если прихватит, надо в скалы бежать. Ясно?

Хрюша потянулся за рогом, но Ральф затряс головой.

Он обдумал свою речь, пункт за пунктом.

– Надо всем нам снова ходить к этим скалам. А то грязно очень. – Он умолк. Предчувствуя взрыв, все затаили дыхание. – И еще. Насчет костра.

Ральф вздохнул почти со стоном, и по собранию эхом пронесся вздох. Джек принялся стругать прутик, что-то шепнул Роберту, и тот отвернулся.

– Костер тут на острове – важней всего. Как же нас спасут, если он у нас не будет гореть? Только, может, чудом. И неужели же мы не можем с этим справиться?

Он выбросил вперед правую руку.

– Смотрите! Сколько нас! И мы не смогли удержать костер. Вы что – не понимаете? Костер нельзя забывать, уж лучше... лучше умереть!

Охотники смущенно захихикали. Ральф посмотрел

на них и продолжал запальчиво:

– Эх вы, охотники! Еще смеетесь! Поймите вы – костер важней, чем ваши свиньи, сколько бы вы их там ни понаубивали. Вы что, не соображаете? – Он развел руками и оглядел всех. – Дым у нас всегда должен быть – хоть умри!

Он умолк, уже взвешивая новый пункт.

– И еще одно.

Кто-то выкрикнул:

– Может, хватит?

Кто-то тихонько поддакнул. Ральф не стал ничего замечать.

– И еще одно. Мы чуть весь остров не спалили. И мы только зря время теряем, сдвигаем камни, разводим маленькие костры, чтоб жарить. И вот я, как главный, объявляю правило. Костры нигде не жечь ни за что. Только на горе.

Шум поднялся неимоверный. Все вскакивали, орали, Ральф орал в ответ:

– Если тебе нужно зажарить рыбу или краба – подымайся на гору, ничего с тобой не случится! И так оно верней.

В низящихся лучах замелькали потянувшиеся за рогом руки. Ральф вспрыгнул на бревно.

– Вот что я хотел сказать. Ну и сказал. Вы сами меня выбрали. И должны меня слушаться.

Постепенно все затихли, уселись. Ральф спрыгнул на землю и заговорил обычным голосом:

– Значит, так. Уборная в скалах. Костер чтоб всегда го-

рел и всегда был дым. Жечь огонь только на горе. Еду жарить там.

Джек встал, мрачно хмурясь, потянулся за рогом.

– Я еще не кончил.

– Да ты уж сколько наговорил!

– У меня рог.

Джек сел, недовольный.

– И – последнее. Об этом и так разговоры, наверное.

Он выждал, пока на площадке водворилась тишина.

– Не получается у нас как-то. Не пойму, что такое. Так хорошо начинали. Весело было. И вот...

Он погладил рог, устремив мимо них пустой взгляд, думая про зверя, змея, костер, разговоры про страх.

– И вот все начали бояться.

Поднялся и тотчас замер ропот, почти стон. Джек уже не стругал. Ральф продолжал отрывисто:

– Это все малыши зря болтают. Это надо уладить. Так что вот, последнее, что нам остается еще решить, – это насчет страха.

Опять ему в глаза полезли волосы.

– Надо поговорить насчет этого страха, ведь бояться-то нечего. Я и сам иногда боюсь. Только глупости это! Выдумки. Давайте разберемся насчет этого страха, и тогда он не будет нам мешать и можно будет заняться серьезными делами, как костер, например. – В голове у него мелькнула картинка – трое мальчиков над сверкающим морем. – И опять нам

будет хорошо, нам будет весело.

Ральф торжественно положил рог на бревно в знак того, что речь его окончена. Пробивавшиеся к ним лучи уже совсем припадали к земле.

Джек встал и взял рог.

– Значит, решили поговорить начистоту. Ладно. Скажу все прямо. Весь этот страх вы, малыши, сами выдумали. Зверь! Да откуда? Ну бывает и нам страшно иногда, но подумай, дело большое – страшно! Вот Ральф говорит, вы по ночам орете. Ну и что! Это просто от кошмаров. И вообще – вы не строите, вы не охотитесь, толку от вас чуть, сыночки мамочкины, неженки. Вот. Нам тоже страшно бывает, но мы нюни не распускаем!

Ральф смотрел на Джека раскрыв рот, Джек ничего не замечал.

– От страха вас не убудет. Сам-то страх не кусается. Нет здесь на острове никаких страшилищ. – Он оглядел перешептывающихся малышей: – А так бы вам и надо, если бы вас кто-то и съел, кому вы нужны, плаксы несчастные! Да только нет – слышите вы? – нет зверя здесь...

Ральф не выдержал:

– Да ты что? Кто говорит про зверя?

– Сам же недавно говорил. Сказал, снится им что-то, они кричат. А теперь распустили языки, и не одни малыши, но бывает, даже мои охотники болтают про черное что-то, про зверя какого-то, я сам слышал. А, так ты не знал, да? То-

гда послушай. На таких маленьких островах не бывает больших зверей. Исключительно свиньи. Львы и тигры водятся только в больших странах, в Африке, например, или в Индии...

– Или в зоопарке...

– У меня рог! И я не про страх говорю. А я про зверя говорю. Хочется вам пугаться – пожалуйста! Но насчет зверя...

Джек помолчал, качая рог, как ребенка, потом повернулся к своим охотникам в грязных черных шапочках:

– Настоящий я охотник или нет?

Они только закивали в ответ. Да, охотник он настоящий. Тут кто же мог сомневаться?

– Ну так вот, я прочесал весь остров. Сам. Один. Если б тут был зверь, я бы его увидел. Можете бояться, раз вы трусы такие, но зверя в лесу никакого нет.

Джек отдал рог и сел. Все облегченно захлопали. Рог взял Хрюша.

– Вообще-то я с Джеком не согласен. Но кое-чего он верно сказал. Зверя в лесу нету. И не может быть. Чего бы он кушал?

– Свиней!

– Вот мы же едим свиней!

– Хрюшек он кушает!

– У меня рог, – возмутился Хрюша. – Ральф, скажи им, ну чего они, а Ральф? Эй вы, малыши, тихо! Я говорю, насчет страха это я не согласен с Джеком. В лесу вам бояться нечего.

Да я тоже там был. Вы еще духов выдумаете и привидения разные. Что есть – то и есть, и всегда понятно, что к чему, а если чего не так, на все люди есть, чтоб разобраться.

Сразу, как будто выключили свет, зашло солнце. Хрюша снял очки и мигая посмотрел на малышей.

Потом он продолжал свои разъяснения:

– Когда у тебя болит, к примеру, живот, все равно, большой он там у тебя или маленький...

– Ну, у тебя-то большой!

– Ладно, вы кончайте смеяться, а тогда мы, может, продолжим собрание. И если малыши полезут обратно на кувыркалку, они сразу ведь свалятся. Так что лучше уж сразу садитесь на землю и слушайте. Ну вот. Для всего свои доктора есть, даже для мозгов. Неужели ж вы думаете, так и можно все время неизвестно чего бояться? В жизни, – сказал убежденно Хрюша, – в жизни – все научно, вот. Года через два, как кончится война, можно будет летать на Марс, туда и сюда. Я знаю – нету тут никакого зверя, ну, с когтями и вообще, – но я и про страх тоже знаю, что нету его.

Хрюша помолчал.

– Если только...

Ральф вздрогнул:

– Если – что?

– Если только друг дружку не пугать.

Кругом раздались неприязненные смешки. Хрюша втянул голову в плечи и заключил скороговоркой:

– Ну давайте выслушаем малыша, который про зверя говорил, и, может, объясним ему, что все это глупость одна.

Малыши затараторили все разом, и один выступил вперед.

– Как тебя зовут?

– Фил.

Для малыша он держался уверенно, покачал рогом в точности как Ральф и так же точно, как Ральф, оглядел всех, призывая к вниманию.

– Вчера мне приснился сон, страшный сон, как будто бы я дерусь. Как будто я около шалаша, один, и я отбиваюсь от этих, от крученых, какие висят по деревьям.

Он умолк, и в нервном хихиканье малышей был призыв ужаса и сочувствия.

– Я испугался и проснулся. Проснулся и вижу – я один около шалаша, а этих черных и крученых уже нет.

Они затихли, воочию, с трепетом представив себе все это. Опять из-за рога запищал детский голосок:

– Я испугался и стал Ральфа звать и вдруг вижу: под деревьями идет что-то, большое и страшное.

Он смолк, обмирая от воспоминания, но не без гордости, что сумел напугать и других.

– Это у него был кошмар, – сказал Ральф, – он ходил во сне.

Собрание сдержанным гулом одобрило мудрость Ральфа. Малыш упрямо затряс головой.

– Нет, когда те, крученые, со мной дрались, это я спал, а когда они пропали, я уже не спал, и я видел, как что-то большое и страшное идет под деревьями.

Ральф потянулся за рогом, малыш сел.

– Нет, ты спал. Никого там не было. Ну, кому охота ночью по лесу бродить? Кому? Выходил кто-нибудь ночью?

Все долго молчали, усмехаясь дикому предположению, что кто-то мог выходить в темноте. Но вот встал Саймон. Ральф глядел на него во все глаза.

– Ты? Тебе-то зачем в темноте по лесу шататься?

Саймон судорожно вцепился в рог.

– Я хотел... я хотел к одному месту пройти.

– Какому еще месту?

– Ну, есть одно место. В джунглях.

Он замялся.

Джек снял напряжение; только он умел говорить так презрительно, так насмешливо и твердо:

– Все ясно! Ему живот схватило.

Ральфу стало обидно и стыдно за Саймона, и, строго глядя ему в лицо, он отобрал у него рог.

– Ладно. Ты больше не надо. Понял? Ночью туда не ходи. И так глупости всякие болтают про зверя, а тут еще ты на глазах у малышей будешь красться, как какой-то...

В издевательских смешках остался призывок страха, и еще в них было осуждение. Саймон открыл рот, но рог был уже у Ральфа, и он сел на свое место.

Когда все уgomонились, Ральф повернулся к Хрюше:

– Что у тебя, Хрюша?

– Да тут вон еще один. Этот.

Малыши вытолкали Персиваля на середину треугольника. Он стоял по колено в высокой траве, смотрел на свои увязнувшие в траве ноги и силился вообразить, что никто не видит его, что он в укрытии. Ральфу представилось, как точно так же стоял другой карапуз, и он поскорей отогнал эту картинку. Он старался больше ее не видеть, вытравил ее, загнал далеко, глубоко, и только от прямого напоминанья, как сейчас, и могла она выплыть. Малышей так и не созывали на перекличку, отчасти потому, что по крайней мере на один из вопросов, которые задавал тогда на горе Хрюша, Ральф знал ответ твердо. Были вокруг малыши светлые, темные, были веснушчатые, и все до единого грязные, но на всех лицах – и тут никуда уж не денешься – была кожа как кожа. Никто никогда больше не видел той багровой отметины. Но зачем только Хрюша тогда, замазывая свою вину, так орал и надсаживался? Без слов давая понять, что он все помнит, Ральф кивнул Хрюше:

– Ну ладно. Сам спрашивай.

Хрюша стал на коленки, держа перед малышом рог.

– Хорошо. Как тебя звать?

Малыш отпрянул в свое укрытие. Хрюша растерянно повернулся к Ральфу, тот спросил жестко:

– Как тебя зовут?

Тот опять промолчал. Не выдержав этого запираательства, собрание грянуло хором:

– Как тебя зовут? Как тебя зовут?

– Тихо вы!

Ральф в сумерках разглядывал малыша.

– Ну скажи нам. Как тебя зовут?

– Персиваль Уимз Медисон, дом священника, Хакет Сент-Энтони, Гемпшир, телефон, телефон, теле...

И словно только этот адрес заграждал потоки скорби, малыш расплакался. Личико скривилось, из глаз брызнули слезы, рот чернел квадратной дырой. Сначала он постоял немым воплощением скорби; потом плач хлынул, густой и крепкий, как звуки рога.

– Хватит тебе! Умолкни!

Но Персиваль Уимз Медисон умолкнуть не мог. Потоки прорвало так, что не остановить никакой властью, ни даже угрозами. Рыданья сотрясали грудь Персиваля, и он не мог от них вырваться, будто его накрепко пригвоздило к вою.

– Замолчишь ты или нет?!

И других малышей проняло. Каждый вспомнил о своем горе; а возможно, они осознали свое соучастие в горе все-ленском. Они расплакались, и двое почти так же громко, как Персиваль.

Спас положение Морис. Он крикнул:

– Эй, поглядите-ка на меня!

Он нарочно упал. Потер крестец, уселся на кувыркалку,

плюхнулся. Клоун из Мориса вышел плохой. Но Персиваль и другие малыши отвлеклись, хлюпнули носами, захохотали. И вот они уже зашлись в таком несуразном хохоте, что заразили больших.

Джек и в общем шуме заставил к себе прислушаться. Рога у него не было, он нарушал правила, но этого никто не заметил.

– Ну, так как же насчет зверя?

Что-то странное сделалось с Персивалем. Он зевнул, закачался так, что Джеку пришлось схватить его за плечи и встряхнуть.

– Где обитает этот зверь?

Персиваль оседал в руках у Джека.

– Умный, видать, зверь, – усмехнулся Хрюша, – раз сумел тут запрятаться.

– Джек весь остров обрыскал...

– И где этому зверю жить?..

– Пускай своей бабушке про зверя расскажет!

Персиваль забормотал что-то потонувшее в общем хохоте. Ральф весь подался вперед.

– Что? Что он говорит?

Джек выслушал ответ Персиваля и выпустил его плечи. Персиваль, освобожденный, в утешительном окружении двуногих, упал в высокую траву и погрузился в сон.

Джек откашлялся и бросил небрежно:

– Он говорит, что зверь выходит из моря.

Смешки как-то осеклись. Ральф невольно обернулся – скорченная фигурка, черная на фоне лагуны. Все посмотрели туда же и вслушались. Дали пластались, убегали, ломились за простор густого, чужого и всемогущего ультрамариана; и шептались и всхлипывали у рифа волны.

Вдруг Морис выпалил так громко, что все вздрогнули:

– Мой папа говорит, еще пока не всех морских животных даже открыли.

Опять все загалдели. Ральф протянул блистающий в сумраке рог, и Морис послушно взял его. Собрание угомонилось.

– По-моему, Джек верно сказал, каждому может быть страшно, и от страха никого не убудет, ничего тут такого нет. Ну а вот насчет того, что одни свиньи на этом острове водятся, так это он, возможно, и верно говорит, но ведь же он не знает. Ну, то есть наверняка, точно же он не знает... – Морис шумно сглотнул. – Папа говорит, есть такие штуки, ой, ну как же их, они еще чернилами плюются – спруты, – так те в сто ярдов бывают и китов пожирают – свободно. – Он помолчал и рассмеялся весело. – Конечно, я в зверя не верю. Вот и Хрюша говорит – в жизни все научно, но ведь же мы не знаем? Ну, то есть наверняка...

Кто-то крикнул:

– Не может спрут этот из воды вылезать!

– Нет, может!

– Не может!

Тотчас площадку заполонили шум, гам и мечущиеся тени. Ральф, не вставая с места, смотрел, и ему казалось, что все с ума посходили. Плетут про зверя, про страх, а того не могут взять в толк, что важней всего – костер. А как только станешь им объяснять, начинают спорить и до разных ужасов добалтываются.

Различив в сумерках робкую белизну рога, он выхватил его у Мориса и стал дуть изо всей мочи. Все смолкли. Саймон подошел и протянул руку к раковине. Необходимость толкала Саймона выступить, но стоять и говорить перед собранием была для него пытка.

– Может, – решился он наконец, – может, зверь этот и есть.

Вокруг неистово заорали, и Ральф встал, потрясенный:

– Саймон – ты? И ты в это веришь?

– Не знаю, – сказал Саймон. Сердце у него совсем зашло, он задыхался. – Я...

И тут разразилась буря:

– Сиди уж!

– А ну, клади рог!

– Да пошел ты!..

– Умолкни!

Ральф крикнул:

– Дайте ему сказать! У него рог!

– То есть... может... ну... это мы сами.

– Вот полоумный!

Это уж попирал все приличия не стерпевший Хрюша.

Саймон продолжал:

– Может, мы сами, ну...

Саймон растерял все слова в попытках определить главную немощь рода человеческого. И вдруг его осенило:

– Что самое нечистое на свете?

Вместо ответа Джек бросил в обалделую тишину непристойное слово.

Разрядка пришла как оргазм. Те малыши, которые успели снова забраться на кувыркалку, радостно поплюхались в траву. И взревели ликующие охотники.

Хохот больно ударил Саймона и разбил его решимость вдребезги. Саймон сжался и сел.

Наконец все снова затихли. Кто-то, не попросивши рог, сказал:

– Может, это он про духов разных.

Ральф поднял рог и вглядывался в сумрак. Всего светлей был бледный берег. Малыши как будто подобрались ближе? Ну да, конечно, сжались в кучку на траве посередке. От порыва ветра разворчались пальмы, и шум резко и заметно врубился в темноту и тишину. Два серых ствола терлись друг о дружку с мерзким скрипом, которого днем не замечал никто.

Хрюша взял рог из рук Ральфа. Голос Хрюши звенел негодованьем:

– Не верю я в никаких духов!

Джек тоже вскочил, почему-то ужасно злой.

– Какое кому дело, во что ты веришь, Жирняй!

– У меня рог!

Послышались звуки схватки, рог заметался во тьме.

– А ну положи сюда рог!

Ральф бросился их разнимать, получил по животу, вырвал рог из чьих-то рук и сел, задыхаясь.

– Ну хватит этих разговоров про духов. Давайте отложим до утра.

Тут вмешался приглушенный и неизвестно чей голос:

– Зверь этот, наверно, и есть дух.

Собрание будто ветром встряхнуло.

– Ну, хватит без очереди говорить, – сказал Ральф. – Если мы не будем соблюдать правила, все наши собрания ни к чему.

И снова он осекся. Тщательно составленный план собрания шел насмарку.

– Ну, что же мне теперь сказать? Зря я так поздно вас собрал. Давайте проголосуем насчет них, ну, насчет духов. А потом разойдемся и ляжем спать, мы устали. Нет – это ты, Джек? – нет, погоди минутку. Сначала я сам скажу – я лично в духов не верю. Да, по-моему, я в них не верю. А вот думать про них мне противно. Особенно в темноте. Но мы же решили вообще разобраться, что к чему.

Он поднял рог.

– Ну так вот. Значит, давайте разберемся, есть духи

или нет...

Он запнулся и переждал мгновение, поточней составляя вопрос.

– Кто считает, что духи бывают?

Долго все молчали и не шевелились. Потом Ральф всмотрелся в сумрак и разглядел там руки.

И сказал скучно:

– Ясно.

Мир – удобопонятный и упорядоченный – ускользал куда-то. Раньше все было на месте, и вот... и корабль ушел.

У него вырвали рог, и голос Хрюши заорал пронзительно:

– Я ни за каких за духов не голосовал!

Он рывком повернулся к собранию:

– И запомните.

Слышно было, как он топнул ногой.

– Кто мы? Люди? Или зверье? Или дикари? Что про нас взрослые скажут? Разбегаемся, свиней убиваем, костер бросаем, а теперь еще – вот!

На него надвинулась грозная тень.

– А ну, заткнись, слизняк жирный!

Завязалась мгновенная стычка, и вверх-вниз задергался мерцающий в темноте рог. Ральф вскочил:

– Джек! Джек! Рог не у тебя! Дай ему сказать!

На него наплывало лицо Джека.

– И ты сам тоже заткнись! Да кто ты такой? Сидишь, распоряжаешься! Петь ты не умеешь, охотиться не умеешь...

– Я главный. Меня выбрали.

– Подумаешь, выбрали! Дело большое! Только и знаешь приказы дурацкие отдавать!.. Много ты понимаешь!

– Рог у Хрюши.

– Ах, Хрюша! Ну и цацкайся со своим любимчиком!

– Джек!

Джек передразнил злобно:

– Джек! Джек!

– Правила! – крикнул Ральф. – Ты нарушаешь правила!

– Ну и что?

Ральф взял себя в руки.

– А то, что, кроме правил, у нас ничего нет.

Но Джек уже орал ему в лицо:

– Катись ты со своими правилами! Мы сильные! Мы охотники! Если зверь этот есть, мы его выследим! Зажмем в кольцо и будем бить, бить, бить!

И с диким воем выбежал на бледный берег. Тотчас площадка наполнилась бегом, суетой, воплями, хохотом. Собрание кончилось. Все кинулись врассыпную, к воде, по берегу, во тьму. Ральф почувствовал щекой прохладу раковины и взял рог из рук у Хрюши.

– Что взрослые скажут? – крикнул опять Хрюша. – Ну погляди ты на них!

С берега летели охотничьи кличи, истерический хохот и полные непритворного ужаса взвизги.

– Ты протруби в рог, а, Ральф.

Хрюша стоял так близко, что Ральф видел, как блестит уцелевшее стеклышко.

– Неужели они так и не поняли? Про костер?

– Ты будь с ними твердо. Заставь, чтоб они тебя слушались.

Ральф ответил старательно, словно перед классом теорему доказывал:

– Предположим, я протрублю в рог, а они не придут. Тогда – все. Мы не сможем поддерживать костер. Станем как звери. И нас никогда не спасут.

– А не протрубишь – все равно мы станем как звери. Мне не видать, чего они там делают, но зато мне слышать.

Разбросанные по песку фигурки слились в густую, черную, вертящуюся массу. Что-то они там пели, выли, а изнемогшие малыши разбредались голося. Ральф поднял к губам рог и сразу опустил.

– А главное, Хрюша: есть эти духи? И этот зверь?

– Конечно, нету их.

– Ну почему?

– Да потому, что тогда бы все ни к чему. Дома, улицы. И телевизор бы не работал. И все бы тогда зазря. Без смысла.

Танцевали и пели уже далеко, пенье сливалось вдалеке в бессловесный вой.

– А может, и правда все без смысла. Ну, тут, на острове? И они за нами следят, подстерегают?

Ральфа всего затрясло, он так бросился к Хрюше,

что стукнулся об него в темноте, и оба испугались.

– Хватит тебе! И так плохо, Ральф, прямо не могу я больше! Если еще и духи эти...

– Не буду я больше главным. Ну, послушай ты их!

– Ох, Господи! Нет! Нет!

Хрюша вцепился в плечо Ральфа.

– Если Джек будет главным, будет одна охота и никакой не костер. И мы тут все перемрем...

И вдруг Хрюша взвизгнул:

– Ой, кто это тут еще?

– Это я, Саймон.

– Да уж. Молодцы, – сказал Ральф. – Три слепых мышонка. Нет, откажусь я.

– Если ты откажешься, – перепуганно зашептал Хрюша, – что же со мной-то будет?

– А ничего.

– Он меня ненавидит. За что – не знаю. Тебе-то что. Он тебя уважает. И потом, ты ж в случае чего и садануть можешь.

– Ну да! А сам-то как с ним сейчас подрался!

– У меня же был рог, – просто сказал Хрюша. – Я имел право говорить.

Саймон шевельнулся во тьме:

– Ты оставайся главным!

– Ты бы уж помалкивал, крошка. Ты почему не мог сказать, что никакого зверя нет?

– Я его боюсь, – шептал Хрюша. – И поэтому я его знаю

как облупленного. Когда боишься кого, ты его ненавидишь и все думаешь про него и никак не выбросишь из головы. И даже уж поверишь, что он – ничего, а потом как посмотришь на него – и вроде астмы, аж дышать даже трудно. И знаешь чего, Ральф? Он ведь и тебя ненавидит.

– Меня? А меня за что же?

– Не знаю я. Ты на него за костер ругался. И потом ты у нас главный, а не он.

– Он зато Джек Меридью!

– Я болел много, лежал в постели и думал. Я насчет людей понимаю. И насчет себя понимаю. И насчет его. Тебя-то он не тронет. Но если ты ему мешать больше не будешь, он на того, кто рядом, накинется. На меня.

– Правда, Ральф. Не ты, так Джек. Ты уж будь главным.

– Конечно, сидим сложа руки, ждем чего-то, вот все у нас и разваливается. Дома всегда взрослые были. Простите, сэр; разрешите, мисс; и на все тебе ответят. Эх, сейчас бы!..

– Эх, была б тут моя тетя!

– Или мой папа... Да теперь-то чего уж!

– Надо, чтоб костер горел.

Танец кончился, охотники шли уже к шалашам.

– Взрослые, они все знают, – сказал Хрюша. – И они не боятся в темноте. Они бы вместе чай попивали и беседовали. И все бы решили.

– Уж они бы остров не подпалили. И у них бы не пропал тот...

– Они бы корабль построили...

Трое мальчиков стояли во тьме, безуспешно пытаясь определить признаки великолепия взрослой жизни.

– Уж они бы не стали ругаться...

– И очки бы мои не кокнули...

– И про зверя бы не болтали...

– Если б они могли нам хоть что-то прислать! – в отчаянии крикнул Ральф. – Хоть бы что-нибудь взрослое... хоть сигнал бы подали...

Вдруг из тьмы вырвался вой, так что они прижались друг к другу и замерли. Вой взвивался, истончался, странный, немыслимый, и перешел в невнятное бормотанье. Персиваль Уимз Медисон, из дома священника в Хакете Сент-Энтони, лежа в высокой траве, вновь проходил через перипетии, против которых бессильна даже магия вызубренного адреса.

Глава шестая

Зверь сходит с неба

Дневной свет кончился, остались одни звезды. Когда выяснился источник призрачных звуков и Персиваль наконец затих, Ральф и Саймон неловко подняли его и поволокли к шалашу. Хрюша не отставал от них ни на шаг, несмотря на отважные речи, и трое старших разом нырнули в соседний шалаш. Шумно шурша шершавой листвой, долго смотрели на черный, в звездную искорку, выход к лагуне. В других шалашах то и дело вскрикивали малыши, раз даже кто-то большой заговорил в темноте. Потом и они уснули.

Лунный серп всплыл над горизонтом, такой маленький, что, даже висая над самой водой, почти не бросал в нее дорожки. Но вот в небе зажглись иные огни, они метались, мигали, гасли, а до земли отзвуки боя в десятимильной высоте не доходили и слабеньким треском. Но взрослые все же послали детям сигнал, хотя те уже спали и его не заметили. Вспышка раскроила небо огненной спиралью, и тотчас снова стемнело и вызвездило. В звездной тьме над островом кляксой проступила фигурка, она полетела вниз, бессильно мотаясь под парашютом. Переменные ветры разных высот как хотели болтали, трепали и швыряли фигурку. Потом, в трех милях от земли, ровный ветер проволока ее по нисходящей кривой по всему небу и перетащил через риф и лагуну к горе. Фигур-

ка повалилась, уткнулась в синие цветы на склоне, но и сюда задувал ветер, парашют захлопал, застучал, вздулся. И тело скользнуло вверх по горе, бесчувственно загребая ногами. Ярд за ярдом, рывок за рывком, ветер тащил его по синим цветам, по камням и скалам и наконец швырнул на вершину, среди розовых глыб. Тут порывом ветра спутало и зацепило стропы; и тело, укрепленное их сплетением, село, уткнувшись шлемом в колени. Ветер налетал, стропы натягивались иногда так, что грудь выпрямлялась, вскидывалась голова, и тень будто всматривалась за скалы. И как только ветер стихал, слабели стропы и тень снова роняла голову между колен. Ночь сияла, по небу брели звезды, тень сидела на горе и кланялась, и выпрямлялась, и кланялась.

В предрассветной тьме склон недалеко от вершины огласился шумами. Двое мальчиков выкатились из вороха сухой листвы, две смутные тени переговаривались заспанными голосами. Это были близнецы, дежурившие у костра. Теоретически им полагалось спать по очереди. Но они не умели ничего делать врозь. А раз бодрствовать всю ночь было невыносимо, оба улеглись спать. И теперь, привычно ступая, пожевывая и протирая глаза, оба двигались к оставшемуся от сигнального костра пеплу. Подойдя, они сразу перестали зевать, и один бросился за листвой и хворостом.

Другой опустился на корточки.

– Погас вроде.

Он покопался в золе подоспевшими веточками.

– Хотя нет.

Он припал губами к самому пеплу и легонько подул, и во тьме обозначилось его лицо, подсвеченное снизу красным. На секунду он перестал дуть.

– Сэм, нам надо...

– ...гнилушку.

Эрик снова стал дуть, пока в золе не зажглось пятнышко. Сэм сунул в жар гнилушку, потом ветку. Жар раздулся, ветка занялась. Сэм подложил еще веток.

– Много не клади, – сказал Эрик, – ты погоди подбрасывать.

– Давай погреемся.

– Тогда надо еще дров натаскать.

– Холодно...

– Ага...

– И вообще...

– Темно. Да уж.

Эрик, не вставая с корточек, смотрел, как Сэм складывает костер. Он поставил сухие прутья шалашиком, и вот запылал защищенный от ветра огонь.

– Еще бы чуть-чуть, и...

– Ух, он бы...

– Раскипятился.

– Ага.

Несколько секунд близнецы молча смотрели в костер. Потом Эрик хмыкнул:

– А он жутко тогда кипел, да?

– Тогда, из-за...

– Костра и свиньи.

– Хорошо еще Джеку попало. Не нам.

– Ага. А помнишь в школе Вспыха-Психа?

– Вы-до-ве-де-те-ме-ня-до-безу-у-умия, юноша!

Близнецы закатились в своем неразличимом хохоте, но вспомнили тьму и кое-что другое, осеклись и стали беспокойно озираться, а потом снова уставились в принявшееся уже за шалашик пламя. Эрик разглядывал мечущихся букашек, лихорадочно и безнадежно пытавшихся выбраться из огня, и вспомнил тот первый костер – там, на круче, где теперь было черным-черно. Вспоминать про это ему не хотелось, и он перевел глаза к вершине.

Жар приятно бил в лицо. Сэм развлекался тем, что, подбрасывая ветки, наклонялся к самому костру. Эрик держал ладошки над костром как раз на таком расстоянии, что еще чуть-чуть ближе – и обожжешься. Его праздный взгляд блуждал поверх огня и наделял сведенные тьмой к плоским теням ночные глыбы их дневной объемностью. Вон там та большая скала, и три камня, и еще расщепленная скала, а дальше щель, а там...

– Сэм!

– А?

– Нет, ничего.

Пламя пожирало ветки, корчилась и отваливалась кора,

трещало дерево. Шалашик рухнул, разметав над вершиной широкий круг света.

– Сэм...

– А?

– Сэм! Сэм!

Сэм раздраженно глядел на Эрика. Застывший, уставленный взгляд Эрика ужаснул Сэма, потому что Эрик смотрел на что-то у него за спиной. Сэм перебрался к нему, сел на корточки рядом, тоже посмотрел. Оба вцепились друг в дружку и замерли – четыре немигающих глаза, два разинутых рта.

Далеко внизу лес охнул и загремел. На головах у них забились волосы, пламя подсеклось и сломалось. В пятнадцати ярдах от них хлопала вздутая ткань.

Ни один не вскрикнул, только крепче вцепились друг в дружку, и у них отвисли челюсти. Так сидели они секунд десять, пока огонь окатывал вершину искрами, дымом и прерывистым, хлещущим светом.

Потом сразу оба, будто в нераздельном ужасе, они перебрались через скалы и бросились наутек.

Ральфу снился сон. Он уснул наконец, бог знает сколько времени шумно проворочавшись в сухих листьях. Даже стоны и выкрики из других шалашей не достигали его, потому что он был далеко, он был там, где раньше, и он кормил сахаром пони через садовый забор. А потом кто-то затряс его

за плечо и сказал, что пора пить чай.

– Ральф! Проснись!

Листья загремели, как море.

– Ральф! Проснись!

– А? Что?

– Мы видели...

– ...зверя...

– Совсем близко!

– Кто тут? Близнецы?

– Мы видели зверя!

– Тихо! Хрюша!

Листья все гремели. Хрюша наткнулся на него, потому что он уже кинулся навстречу засматривающим в шалаш потускневшим звездам, но его не пустили близнецы.

– Не ходи! Там ужас!

– Хрюша, где наши копыта?

– Ой, слышите...

– Тогда тихо! Ложитесь.

Они лежали и, не веря, а потом ужасаясь, слушали шепот близнецов, то и дело перемежавший оторопелые паузы. Тьма наполнилась неизвестным и грозным, когтями, клыками. Рассвет томительно долго стирал с неба звезды, и наконец в шалаш поползло унылое серое утро. Они зашевелились, хотя у входа стерег неотступный страх. Путаная тьма уже расслаивалась на даль и близь, и затеплели подцветкой облачка в вышине. Одинокая морская птица взвилась с хриплым криком,

эхо перехватило его, и что-то засвистело в лесу. Лоскуты облаков у горизонта пропитались розовостью, и снова стали зелеными верхушки пальм.

Ральф встал на колени у входа и осторожно выглянул из шалаша.

– Эрик, Сэм. Зовите всех на собрание. Только тихо. Живей.

Близнецы, дрожа и жмясь друг к дружке, ползком одолели расстояние до следующего шалаша и там выложили страшную новость. Ральф заставил себя встать и пошел к площадке, достоинства ради держась очень прямо, хоть по спине у него бегали мурашки; Хрюша и Саймон шли следом, сзади пробирались остальные.

Ральф взял рог с отполированного ствола и поднес к губам; но раздумал и не подул, а вместо этого только поднял раковину и показал всем. И все поняли.

Лучи, пучком расходящиеся над горизонтом, теперь пластались уже вокруг, на уровне глаз. Ральф глянул на взбухающую золотую дольку, которая озаряла их справа и будто подбадривала. Кружок мальчиков перед ним ошетинился копьями.

Он передал рог Эрику, потому что тот сидел ближе Сэма.

– Мы видели зверя своими глазами. Нет, не во сне...

Сэм его перебил. Рог служил обоим близнецам сразу, так повелось, ввиду их совершенной нерасторжимости.

– На нем шерсть. И сзади у него что-то – вроде крылья.

И он шевелился...

- Ой, жуть. Он, что ли, сел...
- Костер горел всюю...
- Мы его как раз разожгли...
- Веток подложили...
- У него глаза...
- Зубы...
- Когти...
- Мы ка-ак побежим...
- Прямо по скалам...
- Натыкаемся...
- А он за нами...
- Я видел, он за деревьями прятался...
- Чуть меня не сцапал...

Ральф с испугом показал на лицо Эрика, в кровь исполосованное ветками.

– Как это ты?

Эрик пощупал лицо.

– Весь покарябался. И кровь?

Мальчики, сидевшие рядом с Эриком, в ужасе отпрянули. Джонни, еще не переставший зевать, вдруг разразился слезами, и Билл хлопал его по спине, пока он не затих. Яркое утро было полно угроз, и кружок мальчиков стал меняться. Взгляды уже не устремлялись к центру, все озирались по сторонам, из-за своих деревянных копий, как из-за ограды. Джек заставил их вспомнить, что они не в засаде, а на собрании.

– Вот это будет охота! Кто со мной?

Ральф заерзал на месте.

– Копья у нас – деревянные палки. Не болтай.

Джек ухмыльнулся:

– Ага! Боишься?

– Да, а что? Ты, что ли, не боишься?

И в отчаянной, обреченной надежде он повернулся к близнецам:

– Вы же нам головы не морочите? А?

Протест был такой пламенный, что в его искренности никто бы не мог усомниться.

Рог взял Хрюша.

– А может... может, нам тут остаться? Глядишь, зверь к нам и не сунется.

Если б не ощущение, что за ними кто-то следит, Ральф бы на него накричал.

– Тут остаться? В угол забиться и вечно дрожать? А что мы есть будем? И как же костер?

– Давайте двигаться, – дернулся Джек. – Мы только зря время теряем.

– Нет. Погоди. Как нам с малышами быть?

– А, да ну их!

– Кто-то должен за ними присматривать.

– Пока что они без нас обходились.

– Пока что можно было. А сейчас нельзя. За ними присмотрит Хрюша.

– Вот именно. Трясись над своим драгоценным Хрюшей, пусть тут отсиживается.

– Сам подумай. Ну что Хрюша может с одним глазом?

Остальные с любопытством переводили взгляды с Ральфа на Джека.

– И вот еще что. Обычная охота тут не годится, зверь же не оставляет следов. Оставлял бы – ты бы увидел. Скорей всего он с дерева на дерево перемахивает, вроде этих, ну, как их...

Вокруг закивали.

– Так что тут еще подумать надо.

Хрюша снял покалеченные очки и принялся протирать уцелевшее стеклышко.

– Ральф, а мы-то как же?

– Рог не у тебя. На, держи.

– Так я вот чего – мы-то как же? Вдруг зверь придет, когда вас не будет. Я плохо вижу, и если я напугаюсь...

Джек перебил презрительно:

– Ну ты-то вечно пугаешься.

– У меня рог!

– Рог, рог! – заорал Джек. – При чем тут это! Сами уже знаем, кого надо слушать. Много ли умного Саймон, или Билл, или Уолтер скажут? Кое-кому пора бы заткнуться и сообразить, что не им решать...

Это было уже слишком. Кровь прилила к щекам Ральфа.

– Рог не у тебя. Сядь.

Лицо у Джека побелело, веснушки выступили четкими коричневыми крапинками. Он облизнул губы и не сел.

– ...И это уж дело охотников.

Все смотрели на них во все глаза. Хрюша от греха подальше сунул рог на колени к Ральфу и сел. Нависала гнетущая тишина. Хрюша затаил дыхание.

– Нет, это дело не только охотников, – выговорил наконец Ральф. – Зверя же не выследишь. И неужели ты не хочешь, чтоб нас спасли?

Он повернулся к собранию:

– Хотите вы или нет, чтобы нас спасли?

И опять посмотрел на Джека:

– Я уже говорил, главное – костер. А сейчас он, конечно, погас...

И опять его взяла злость, она выручила его, подхлестнула, придала духу, он перешел в атаку:

– Соображаете вы все или нет? Надо же костер зажечь! Об этом ты не подумал? Да, Джек? Или, может, никто и не хочет, чтоб нас спасли?

Ну нет, чтоб спасли – кто же не хочет, тут уж все ясно, и перевес снова, одним махом, был на стороне Ральфа. Хрюша выдохнул со свистом, снова глотнул воздуха, задохнулся. Он привалился к бревну, разевая рот, и к его губам подбились синие тени. На него не обращали внимания.

– Ну-ка вспомни, Джек. Может, есть на острове место, где ты еще не был?

Джек нехотя ответил:

– Если только... А! Ну да! Помнишь? В самом хвосте, где скалы навалены. Я подходил совсем близко. Там такой перешеек. И другого подступа нет.

– Может, там он и живет.

Все сразу загалдели.

– Тихо! Ну ладно. Пойдем туда. Если там зверя не окажется, заберемся на гору, посмотрим оттуда; и костер разведем.

– Пошли.

– Сперва надо поесть. Потом пойдем. – Ральф помолчал. – Копья, наверно, все же захватим.

Они поели, и Ральф повел старших вдоль берега. Хрюшу так и оставили валяться на площадке. День, как и все эти дни, обещал солнечную баню под синим куполом. Его еще не поволокло зыблящейся дымкой, и потому берег убегал плавной дугой очень далеко, пока не сливался в одно с лесом. Ральф выбрал тропку вдоль пальмовой террасы, не решаясь спускаться на раскаленный песок. Он предоставил Джеку идти впереди, и тот выступал с комическими предосторожностями, хотя они бы заметили врага уже с двадцати ярдов. А сам Ральф, радуясь тому, что на время избавился от ответственности, замыкал шествие.

Саймон шел впереди Ральфа, и его одолевали сомнения – страшный зверь, с когтями, сидит на вершине горы и не оставляет следов, а за близнецами не мог угнаться? Сколько бы Саймон ни думал про этого зверя, его воображе-

нью явственно рисовался человек – героический и больной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.